

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ОТ АВТОРА «ДРАКУЛЫ»



# БРЭМ СТОКЕР

*Врата жизни*

ЛИМБУС ПРЕСС  
Санкт-Петербург

# Брэм Стокер Врата жизни

*Текст предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=9748323](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9748323)*  
*Б. Стокер. Врата жизни: Лимбус Пресс; Санкт-Петербург; 2015*  
*ISBN 978-5-8370-0688-3*

## **Аннотация**

Брэм Стокер (1847–1912) – классик английской литературы – известен прежде всего романом «Дракула», положившим начало целой литературной, да и не только литературной, традиции. Сколько книг после Стокера было написано о вампирах! А сколько снято фильмов! Но талант Стокера больше одной, пусть самой удачной истории о Короле вампиров, другие романы Стокера не менее интересны.

Эта книга переведена на русский язык впервые. Романтическая история любви, полная неожиданных поворотов, горя и радости, героизма и самоотверженности, – «Врата жизни» стоят в одном ряду с любовными романами Уилки Коллинза, сестер Бронте и Джейн Остин.

## Содержание

Предвестие	5
Глава I. Стивен	9
Глава II. Сердце ребенка	13
Глава III. Гарольд	16
Глава IV. Гарольд в Норманстенде	19
Глава V. Крипта	22
Глава VI. Поездка в Оксфорд	27
Глава VII. Жажда знать	30
Глава VIII. Пролетка	36
Глава IX. Весной	41
Глава X. Решение	44
Глава XI. Встреча	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

# **Брем Стокер**

## **Врата жизни**

© ООО «Издательство К. Тублина», 2015

© А. Веселов, оформление, 2015

\* \* \*

## Предвестие

– Лучше быть ангелом, чем Богом! – голос звенел из-за куста боярышника.

На невысоком надгробии, неподалеку от дерева, сидели юноша и девушка, они смотрели прямо в глаза друг другу, не прислушиваясь к разговору двух детей, примостившихся на ветвях. Для молодой пары это были пустые звуки, не сравнимые по значению с переживаемыми чувствами. Девушка коснулась губ пальцем, призывая молодого человека к молчанию, он кивнул. Теперь только детские голоса нарушали тишину.

Окрестный пейзаж мог бы взволновать художника-романтика: старинное приходское кладбище, низкая церковь с квадратной башней и длинными окнами со сложным переплетом. Желтовато-серый камень поизносился за долгие времена, а местами строение поросло мхом. Покосившиеся надгробия стояли плотными группами тут и там. За церковью виднелись верхушки искривленных и узловатых тисов.

В церковном дворе росло немало деревьев: с одной стороны величественный кедр, с другой – пунцовый бук. Могильные камни и памятники усопшим чередовались с полными жизни цветущими деревьями, повсюду зеленела сочная трава. В свете июньского солнца ярко сияли золотые головки раkitника. Сирень, боярышник, пучки таволги обрамляли лениво текущий ручей и источали сладкий аромат. Изжелта-серые стены крошились от старости, но их ветхость прикрывали зеленые пятна папоротника и флоксов, лук-порей и заячья капуста уступали место диким цветам, добавлявшим свои ноты в пленительный аромат превосходного летнего дня, навевающего сонную дремоту.

Среди буйного цветения юная пара на сером надгробии вовсе не казалась частью бесхитростной природы. На молодом человеке был обычный охотничий костюм: рыжеватый пиджак, белая рубашка, черная шляпа, светлые бриджи и высокие сапоги. Девушку отличали богатство и изящество наряда. Алый жакет для верховой езды, маленькая черная шляпка чуть сдвинута вперед, а из-под нее ниспадает каскад золотых волос, на шее – белый шарф, классический атрибут модного охотничьего костюма, приталенного, с блестящими золочеными пуговицами. Присев на камень, девушка чуть приподняла длинную белую саржевую юбку, приоткрыв черные сапожки. Белые перчатки из оленьей кожи с отворотами и такой же белый кожаный хлыст с рукояткой из слоновой кости с золотом дополняли блистательный облик.

Уже к четырнадцати годам мисс Стивен Норманн стала настоящей красавицей – и обещала расцвести еще ярче. Ее облик соединял в себе лучшие национальные черты: твердая линия подбородка, чуть широковатое для женщины лицо, высокий лоб и орлиный нос свидетельствовали о саксонско-нормандском происхождении. Роскошные рыжеватые волосы, пламенные и густые, как и полные, алые губы красивой формы, указывали на примесь древней северной расы островитян. А яркие черные глаза, иссиня-черные, точно вороново крыло, брови и ресницы намекали на то, что один из далеких предков-крестоносцев свою жену привез с востока. Девушка была высока для своих лет, стройна, но женственные формы тела сформировались уже довольно определенно. Длинные ноги, лебединая шея и горделивая осанка немало добавляли к ее красоте.

Да, мисс Стивен Норманн должна была вырасти в роскошную женщину. Уверенность и властность чувствовались в каждом ее движении.

Ее спутник, Гарольд Эн-Вульф, был пятью годами старше. Это преимущество, наряду с некоторыми особенностями характера, позволяло ему занимать менторскую позицию по отношению к юной девушке. Молодой человек был весьма высок, широкоплеч, но сухощав, с длинными руками и крупными ладонями. В его облике чувствовалась физическая сила, а крепкая шея и посадка головы выдавали в нем опытного спортсмена.

Молодые люди невольно прислушались наконец к разговору детей. Сквозь проем крытых ворот виднелись оставшиеся за стеной церковного двора лошади, отдыхавшие в тени кедра. Они время от времени встряхивали хвостами, отгоняя назойливых мух. Грумы сидели в седлах, ожидая хозяев, один держал поводья изящного белого арабского скакуна, а другой – вороного коня.

– Лучше быть ангелом, чем Богом!

Маленькая девочка, сделавшая это заявление, выглядела как образцовая ученица сельской воскресной школы. Голубые глаза, розовые щеки, крепкие крестьянские ноги, прямые темно-русые волосы собраны в тугий пучок и завязаны мятой лентой вишневого цвета. Даже самый скептический наблюдатель не усомнился бы в ее добром нраве и благовоспитанности. Она была уверенной, но не заносчивой, кокетства же в ней не было вовсе. Добрая деревенская девочка, которая привыкла вставать рано, чтобы помочь матери по хозяйству, светлый ангел для отца, заботливая няня для младших братьев и сестер, чистая умом и телом, основательная, веселая и полная безмятежной веры.

Ее подруга была хорошенькой, но более упрямой и страстной, менее организованной и очень, очень настойчивой. Черные волосы и глаза, смуглое лицо, крупный рот и вздернутый нос – все в ней составляло цельный образ пылкой, импульсивной натуры, не склонной к ограничениям и доводам рассудка. Однако трудно было бы сказать, как будет формироваться ее нрав по мере взросления. Казалось, она изумилась тому, что собеседница готова выбрать роль пониже статусом. Она помедлила, прежде чем ответить:

– Все нет! Лучше находиться выше всех и отдавать приказы ангелам, я бы предпочла так. Не понимаю, Марджори, почему ты бы хотела получать приказы, вместо того чтобы отдавать их?

– В самом деле, Сьюзан, я бы не хотела отдавать приказы. Мне больше нравится подчиняться им. Так ужасно, если ты должен обо всем думать и помнить, принимать все решения. А кроме того, мне вовсе не хотелось бы всегда быть за справедливость!

– Почему же? – довольно резко возразила собеседница.

– Ох, Сьюзан. Ну что за радость наказывать кого-то? Ведь справедливость означает не только похвалы, но и наказания. А вот ангелы приятно проводят время, помогая людям, утешая их, они приносят свет и рассеивают тьму, дарят утреннюю росу, позволяют расти цветам, заботятся о малышах. Конечно, Бог добрый и хороший, он такой милосердный, но иногда ему приходится быть просто ужасным.

– Все равно лучше быть Богом и обладать способностью делать все, что пожелаешь!

А затем девочки спрыгнули с веток и ушли, голоса их вскоре смолкли вдали. Молодые люди, сидевшие на надгробии, некоторое время смотрели им вслед, а потом девушка произнесла:

– Какая умница эта Марджори. Но, знаешь, Гарольд, я склонна согласиться со Сьюзан.

– В чем именно, Стивен?

– Разве ты не слышал, как она сказала: лучше быть Богом и обладать способностью делать все, что пожелаешь?

– Ну, да, – заметил юноша после короткого размышления. – Теоретически это хорошо, но думаю, что скоро можно заскучать.

– Ты думаешь? Да что ты! В конце концов, что может быть лучше, чем быть Богом? Разве можно желать большего?

В голосе ее прозвучали капризные ноты, а большие черные глаза яростно сверкнули. Молодой человек улыбнулся и покачал головой, а потом мягко ответил:

– Ты ведь и сама знаешь, что это не так. В подобном желании много честолюбия, но всему есть пределы. Не уверен, что стоит пренебрегать маленькими простыми радостями. Та девочка сказала очень важные слова о том, каково это – быть справедливым.

– Не вижу в этом ничего трудного. Любой может быть справедливым!

– Прости, но многие мужские дела со стороны не кажутся слишком трудными, – он с вызовом взглянул прямо в глаза собеседнице.

– Мужские дела! – фыркнула девушка. – Можно подумать, у женщин нет никаких дел!

– Теоретически они должны быть, но на практике...

– И что ты хочешь сказать? – сама мысль о противопоставлении мужчин и женщин вызывала у нее категорический протест.

Юноша подавил усмешку и постарался отвечать спокойно и примирительно:

– Стивен, дорогая, дело в том, что всемогущий Господь установил все так, что справедливость – не та добродетель, что свойственна женщинам. Я не хочу сказать, будто женщины несправедливы, вовсе нет. Пока не затронуты интересы близких им людей, они могут быть искренне настроенными на справедливость и даже превосходить в этом мужчин. Но когда включаются эмоции, когда возникает конкретная, сложная ситуация, абстрактная справедливость становится для женщин не так уж важна...

Девушка досадливо перебила его:

– Совершенно с тобой не согласна! Конечно, отдельные женщины и в отдельных ситуациях могут вести себя по-разному, но нельзя утверждать, что нам не свойственна справедливость.

На этот раз юноша не удержался от снисходительной улыбки, заставившей собеседницу сердито нахмуриться.

– Приведу тебе примеры, – сказал он. – Ты когда-нибудь слышала о матери, которая пожелала, чтобы ее сына побили в школе?

– Дурное поведение заслуживает наказания, но это не имеет отношения к справедливости, – пожала плечами Стивен.

– Я не о том. Я имел в виду – побили в соперничестве: обошли в соревнованиях, заняли более высокое положение в учебе или обыграли в крикет, то есть в той конкуренции, которая всегда существует между мальчиками.

Девушка на мгновение задумалась, а потом ответила:

– Ну, тут ты, может, и прав. Но это всего лишь частный случай.

– Один случай, но зато универсальный. А как ты думаешь, если бы шериф Галлоуэя был женщиной, смог бы он передать собственного сына в руки палача, когда тот совершил преступление?

На это девушка ответила мгновенно:

– Конечно нет. Не думаю, что мать, родившая свое дитя, могла быть способна на такое. Но разве часто происходят в жизни такие события? Подбери другой пример.

– Есть и другие, но думаю, что с моей стороны будет не честно приводить их.

– И почему же?

– Но, Стивен, ты ведь девушка, так что лицо заинтересованное...

Она рассмеялась.

– Ну что же, даже девушка моего возраста кое-что знает и способна судить самостоятельно, не хуже иного молодого мужчины. Однако я хочу услышать твое мнение, и если буду согласна, скрывать это не стану. В этом я могу обещать тебе полную женскую справедливость.

– Если быть кратким, я бы спросил: может ли женщина быть справедливой по отношению к другой женщине или к мужчине, если дело касается ее чувств или чужой несправедливости по отношению к ней?

– Почему бы и нет? Конечно, гордость может вступить в противоречие с желанием быть справедливой, если речь идет о нанесенной обиде. Не стоит исключать и ощущение собственного превосходства.

Юноша покачал головой.

– Гордость, ощущение собственного превосходства! Разве это не одно и то же? Но так или иначе, если опираться на эти чувства, боюсь, весы Справедливости окажутся опасно неуравновешенными, а карающий меч может ранить ее саму. Мне представляется, что если тебя гордость может направлять в верную сторону, с другими так случается не всегда. Ты скорее исключение, чем правило. Но прости, мне пора, – Гарольд взглянул на часы и встал.

Стивен последовала за ним. Переложив хлыст в ту руку, которой придерживала подол, правой она взяла спутника под руку – тем мягким, грациозным жестом, который свойственен детям, доверчиво опирающимся о руку взрослого. Пара прошла через ворота, грумы подвели коней. Стивен потрепала свою лошадку по шее и дала ей кусок сахара. Затем девушка забралась в седло, опершись ножкой на крепкую руку Гарольда и слегка подпрыгнув. Юноша легко вскочил на своего коня, продемонстрировав ловкость и опыт наездника.

Молодые люди выехали на дорогу, стараясь держаться в тени, и Стивен, погруженная в свои мысли, тихо и восхищенно прошептала:

– Быть Богом и обладать даром творения!

Гарольд ехал в молчании, ощущая холодок смутной тревоги.

## Глава I. Стивен

Стивен Норманн из Норманстенда оставался холостяком до зрелого возраста, пока счастливый случай не сделал его обладателем большого наследства. Поселившись в имении, он задумался о необходимости подыскать себе жену.

Еще со времени совместной учебы в колледже он поддерживал хорошие отношения с ближайшим соседом, сквайром Роули. Они часто бывали в гостях друг у друга, а младшая сестра Роули – она принадлежала практически к следующему поколению, так как родилась во втором браке его отца, – привыкла обоим считать братьями. Теперь она достигла двадцатилетнего возраста и превратилась в очаровательную и по-настоящему красивую молодую женщину. В предыдущие годы дружеские отношения в компании оставались неизменными. Если бы сквайра Норманна попросили описать Маргарет Роули, он был бы немало удивлен, внезапно осознав, что речь идет не о ребенке, а о взрослой девушке.

Однако когда его мысли обратились к женитьбе, он заметил, что Маргарет полностью соответствует тому типу женщины, который его интересует. Решение было логичным, братское расположение уступило место более сильному и, вероятно, более эгоцентрическому чувству. Он сам не успел заметить, как по уши влюбился в свою симпатичную соседку.

Норманн был славным малым, крепким и красивым. К сорока годам он оставался молодым и энергичным, так что возраст его не мог смутить молодую женщину. Маргарет была искренне расположена к нему, всегда доверяла Норманну, он был для нее старшим братом, который никогда ничего не требовал и не ограничивал ее ни в чем. Она всегда была рада видеть его, а когда сосед стал уделять ей особое внимание, женская природа невольно отреагировала естественным образом.

По прошествии должного времени стало ясно, что пара ожидает ребенка. Сквайр Норманн даже не сомневался, что это будет мальчик и наследник, так что супруга, нежно любившая его, не посмела высказать ни малейшего намека на то, что, возможно, это будет все-таки девочка. Она опасалась, что будущего отца разочаровало бы любое сомнение в его твердой надежде. В итоге она так ничего мужу и не сказала. В конце концов, она ведь и сама не знала, кто родится: мальчик или девочка, шансы были равными. Посторонних сквайр и слушать не хотел, так что идея о рождении наследника глубоко укоренилась в его сознании. Ведь ему хотелось сына! Имя было выбрано заранее: вот уже несколько веков все сквайры Норманстенда носили имя Стивен, об этом свидетельствовали документы. Естественно, ожидаемый наследник тоже станет Стивеном.

Как все мужчины средних лет, женившиеся на молодых девушках, он стремился все время быть рядом с супругой. Ожидание сына и приятное общество милой Маргарет создавали вокруг сквайра безмятежную обстановку, и Норманн целиком погрузился в нее, словно в сладкий сон.

Когда же вместо сына на свет неожиданно появилась дочь, доктор и акушерка, прекрасно осведомленные о настроении хозяина дома, в первую минуту даже матери не решились сообщить, какого пола ребенок. Миссис Норманн была очень слаба, и доктор решил, что волновать ее не стоит. А вдруг мужу не удастся скрыть разочарование, и это глубоко огорчит ее и повредит здоровью роженицы? Так что доктор прошел в кабинет, где ждал вестей сквайр, чтобы поговорить с ним наедине.

– Ну что же, сквайр, поздравляю вас с рождением ребенка!

Норманн, конечно, удивился выбору слова «ребенок», но в этот момент больше беспокоился о здоровье любимой жены.

– Как она, доктор? Она в порядке?

Доктор вздохнул с некоторым облегчением. Такой вопрос несколько упрощал его задачу. Он продолжил с большей уверенностью:

– Она в порядке, хотя роды были непростыми. Пока я еще не спокоен за ее здоровье. Она слаба. Ее ничто не должно расстраивать.

Реакция сквайра была немедленной:

– Ничто не расстроит ее! А теперь расскажите: как мой сын? – последнее слово Норманн произнес с гордостью и смущением.

– У вас не сын, а дочь!

В комнате воцарилась тишина. Сквайр Норманн не произнес ни слова, но его правая ладонь, лежавшая на письменном столе, сжалась так плотно, что костяшки пальцев побелели, а вены набухли. Наконец, после долгой паузы, он произнес:

– И что же она, моя дочь, в порядке?

Доктор поспешил с ободряющим ответом:

– Она великолепна! Никогда в жизни не видел такого прекрасного ребенка. Она станет для вас гордостью и утешением!

– А что думает по этому поводу ее мать? – спросил сквайр. – Полагаю, она гордится ею?

– Она пока не знает, что это девочка. Я решил, что надо сперва поговорить с вами.

– Почему?

– Потому... потому что... Норманн, друг мой, но вы ведь знаете, почему! Вы всем сердцем ждали сына, вероятно, ваша супруга, молодая мать, может бояться вашего разочарования. Я подумал, что правильнее будет, если вы сами ей сообщите об этом, чтобы вы заверили ее, как счастливы рождением дочери.

Сквайр пристально взглянул на доктора.

– Благодарю вас, мой старый друг, мой добрый друг! Вы очень заботливы. Когда я смогу увидеть ее?

– Ей надо бы отдохнуть, но, учитывая все волнение, полагаю, не стоит откладывать. Она не успокоится, пока не увидит вас.

Норманну понадобилась вся любовь и много душевных сил, чтобы исполнить свой долг. Он склонился, нежно поцеловал жену и с заметной дрожью в голосе сказал:

– Где моя дорогая дочь, я хочу взять ее на руки, – сказал он.

На мгновение сердце матери мучительно сжалось в тревоге, что супруг ее разочарован, но его нежность и радость принесли женщине облегчение. Лицо Маргарет порозовело от удовольствия, она притянула его голову и поцеловала мужа в ответ.

– О, дорогой мой, я так счастлива, что ты доволен!

Акушерка принесла девочку и положила ее на руки отца. Удерживая малышку на одной руке, другой он сжал запястье жены, одновременно целуя бровку девочки.

Доктор мягким жестом дал ему знак, что роженице пора дать отдых. Сквайр покинул комнату, оглянувшись на пороге, чтобы еще раз улыбнуться жене.

После ужина он обсуждал с доктором разные темы, а потом внезапно спросил:

– Я полагаю, доктор, что пол первого ребенка не указывает на то, что другие дети будут того же пола?

– Конечно, нет! Иначе как бы в одной семье рождались братья и сестры. Друг мой, не стоит заглядывать так далеко. Ваша жена сейчас очень слаба. Я не вполне спокоен, и в ближайшие дни ее состояние может меняться.

Сквайр в тревоге вскочил со стула:

– Тогда чего же мы ждем? Что надо делать? Мы должны оказать ей всю возможную помощь, найти лучших на свете консультантов.

Доктор поднял руку, пытаясь остановить его.

– Пока ничего нельзя сделать. Надо просто ждать.

– Но мы должны быть готовы действовать, если ваши страхи оправдаются! Кто в Лондоне считается лучшим специалистом по таким делам?

Доктор назвал ему пару имен, и уже несколько минут спустя конный посланник скакал в Норчестер, к ближайшему телеграфу. Он должен был отправить обращение к столичным врачам и позаботиться о железнодорожных билетах для них. Тем временем доктор отправился проведать роженицу. Вернулся он бледный и взволнованный. Сердце Норманна упало, когда тот сказал:

– Ей стало хуже! Теперь я очень встревожен. Не уверен, что ей хватит сил дождаться утра.

Сквайр издал стон и с трудом проговорил:

– Могу я видеть ее?

– Пока не стоит, она уснула. Возможно, сон придаст ей сил. Но если нет...

– Если нет? – голос сквайра совершенно изменился.

– В таком случае я немедленно позову вас! – заверил его доктор, прежде чем вернуться к пациентке.

Оставшись в одиночестве, сквайр опустил на колени, закрыл лицо руками. Широкие плечи его согнулись от горя.

Прошло больше часа, прежде чем он услышал за дверью торопливые шаги. Сквайр буквально рванулся к двери.

– Ну?

– Вам стоит пойти со мной.

– Ей лучше?

– Увы, нет. Боюсь, ей останется не много. Возьмите себя в руки, друг мой! Да пребудет с вами Господь в эти горькие часы. Все, что вы можете теперь, это сделать ее последние мгновения счастливыми.

– Да-да, конечно, – голос сквайра внезапно стал удивительно спокойным, так что доктор оглянулся в недоумении и тревоге.

Когда они вошли в комнату, Маргарет дремала. Потом глаза ее открылись, она увидела у постели мужа и улыбнулась бескровными губами. Она протянула к нему руку, и он поспешил склониться к ней, опустил голову на подушку, рядом с ее лицом. Он ласково обнял жену, словно его сильные руки могли защитить ее от беды. Маргарет заговорила – тихо, с трудом переводя дыхание. Каждое слово давалось ей с большим трудом.

– Дорогой мой супруг, мне так жаль покидать тебя! Ты сделал меня по-настоящему счастливой. Я так люблю тебя! Прости меня, дорогой, за то горе, которое я тебе причиняю своим уходом. Стивен, я знаю, что ты будешь лелеять малышку – нашу девочку, когда меня не станет. У нее не будет матери, тебе придется стать для нее отцом и матерью.

– Милая моя, она будет в моем сердце каждое мгновение! Я все для нее сделаю! – сквайр с трудом сдерживал эмоции.

Она продолжала:

– И еще, дорогой мой, не печалься, что она не сын, который мог бы носить твое имя, – внезапно глаза ее засияли радостью, словно счастливая мысль придала ей толику сил: – Она для нас останется единственной, пусть она будет нашим сыном! Назови ее именем, которое мы оба так любим!

Сквайр приподнялся на локте, коснулся лежавшего рядом ребенка и заверил супругу:

– Дорогая моя, любимая жена, твоя душа будет жить в ней, и пусть она будет моим сыном и наследником, единственным сыном, который мне нужен. Всю жизнь я буду благодарить за нее всемогущего Бога. За нашего маленького Стивена, которого мы с тобой так любим!

Маргарет положила ладонь на его руку, словно устанавливая последнюю телесную связь с дражайшим супругом и новорожденным ребенком. Потом она набралась сил, подняла вторую руку и обвила шею мужа, их губы встретились в последний раз. И душа Маргарет отлетела с этим поцелуем.

## Глава II. Сердце ребенка

Несколько недель после смерти жены сквайр Норманн был переполнен горем. Он отважно боролся с этим состоянием, погружаясь в рутину повседневных дел, и настолько преуспел, что смог держаться при посторонних вполне достойно и сдержанно, хотя внутри у него царил пустота.

Малышка Стивен оказалась единственным существом, способным тронуть сердце отца. Когда он брал ее на руки, все чувства его оживали, он слышал, видел, чувствовал. В эти мгновения он желал только беречь и любить ее. Постепенно между отцом и дочерью возникла особая привязанность. Если он запаздывал в детскую, девочка начинала беспокоиться, в нетерпении смотрела на дверь. И стоило ему войти, она буквально заходила от радости.

Время летело стремительно, и Норманн судил об этом лишь по тому, как росла дочь. Сезоны посева и сбора урожая, смена времен года, события за пределами дома – ничто не привлекало его внимания. Ребенок стал для него центром мира и смыслом существования. Каждый шаг в ее развитии представлялся ему восхитительным и важным, вызывал волнение и новые мысли. Когда у дочери стали проявляться первые признаки пола, отец был совершенно потрясен, он был растерян и смущен переменами. Сперва он не замечал этого: детские платья и привычка видеть в ней малышку застилала его взор, но мало-помалу детали подсказывали ему, что происходит. Сквайр Норманн вынужден был признать, что его ребенок превращается в женщину. Пока маленькую женщину, нуждающуюся в опеке и заботе больше, чем взрослая. Она начинала искать новые приемы, не подозревая сама, что делает: легкий флирт, особая нежность и ласка, кокетливые улыбки служили пробой сил и предвестием будущего расцвета. В конце концов отец признал, что Стивен – очаровательная девушка, которая вот-вот созреет.

На первых порах ему трудно было думать о ней как о женщине. Он так долго ждал сына, так привык думать о ребенке без пола, что научиться новому образу мыслей было непросто. Затем растерянность уступила место удовольствию и гордости. Но в глубине души он так и не смог отказаться от привычного отношения к Стивен как к сыну. Все в ней напоминало ему о покойной жене, о ее глазах и мягком голосе, надеждах и чувствах, с которыми она передала ему ребенка, прежде чем покинуть этот мир. Именно это определило его отношение к дочери и подход к ее воспитанию. Если девочке предназначено было стать ему и дочерью, и сыном, она должна приобрести и мужские качества наряду с женскими. Не так уж трудно добиться этого, когда речь идет о единственном ребенке, на развитие которого не влияют ни братья, ни сестры.

Однако был человек, категорически настроенный против малейших отклонений от традиционного воспитания девочки. Это была мисс Летиция Роули, которая заняла со временем место отсутствующей матери. Летиция была молодой тетушкой сквайра Роули из Норвуда, младшей сестрой его отца. Между ней и сквайром было всего шестнадцать лет разницы. Когда скончалась вторая жена старшего Роули, Летиция, к тому времени тридцатилетняя старая дева, занялась воспитанием юной Маргарет, а когда та вышла замуж за сквайра Норманна, мисс Роули была просто счастлива, ведь она знала Стивена с детства. И хотя ей хотелось бы подобрать для своей подопечной жениха помоложе, она не могла сомневаться в том, что сосед – лучший из мужчин с самым достойным положением в обществе. Она заметила, что Маргарет искренне влюблена, и Летиция, так и не узнавшая радости взаимной любви, нашла удовольствие в наблюдении за романтическими отношениями, разворачивающимися у нее на глазах. Так что она смирилась с тем, что поклонник Маргарет старше, чем можно было ожидать. Новость о смерти Маргарет настигла ее во время путешествия по

Ближнему Востоку. Вернувшись домой, Летиция заявила, что будет заботиться о малышке, как прежде заботилась о ее матери. Но повторить прежний опыт ей не удавалось. Она была еще не в том возрасте, чтобы поселиться в Норманстенде, не вызвав недоумения и пересудов вокруг, а сквайр Норманн и мысли не допускал, чтобы его дочь жила где-то в другом месте, вдали от него. На долю воспитательницы оставался общий контроль за обучением и развитием девочки, но из-за расстояния между ними ее участие оказалось фрагментарным и откровенно недостаточным.

При всем очаровании Стивен росла своевольной, с детства проявляя властную натуру. Это доставляло ее отцу тайное удовольствие, так как соответствовало его идее, что Стивен будет для него и дочерью, и сыном. Он даже гордился проявлениями этакой имперской воли. Детский инстинкт победителя в сочетании с женской природой придавал ей особую власть, и Стивен рано почувствовала свои возможности. Она проверяла выносливость няни, затем пробовала силы на отце, добиваясь всего, что хотела, и избегая неприятностей. Постепенно она научилась захватывать максимально возможное пространство и устанавливать свои правила.

Не то чтобы она жаждала недоступного, чего-то заведомо вне пределов досягаемости. Практичность Стивен и ее маленькие уловки стали для отца источником бесконечной радости, а поскольку желания ее обычно были весьма разумными, ему было легко и приятно исполнять их.

Мисс Роули тоже нечасто замечала за девочкой поступки, которые заслуживали осуждения. Она тщательно подбирала для подопечной гувернанток, время от времени проверяя, как идут дела с обучением Маргарет. Девочка проявляла такую искреннюю радость и доверие, что сердце Летиции таяло, а на незначительные промахи или ошибки не хотелось обращать внимания.

Однако проходило время – и очередная гувернантка в слезах отказывалась от места, несмотря на хорошую оплату и расположение нанимателей. Приходилось искать замену, но история повторялась. И все же Стивен неизменно выражала «тетушке» самую нежную любовь и привязанность, так что той не хватало духа разбираться с причинами ухода гувернанток всерьез. Девочка брала одинокую и не имевшую собственных детей женщину за руку, крепко сжимала пальчики, и любые вопросы и возможные упреки исчезали, не успев родиться.

А уж как Маргарет любила отца! Какой нежной была с ним! Несмотря на то что во многом она усвоила ухватки типичного мальчика, женское умение брать свое лаской и добротой проявилось у нее с юных лет.

Когда в семье один-единственный ребенок, трудности с его обучением не редкость. Ведь истинное образование мы получаем не из рассказанного учителем, а из собственного опыта и наблюдений, из взаимодействия с другими детьми, из подражания старшим товарищам, не слишком опережающим нас по возрасту. Дети лучше всего учатся друг у друга, естественным образом, а не в результате принуждения. Между братьями и сестрами устанавливается особая связь, более тесная и важная, чем между друзьями по играм, а потом, во взрослой жизни, этот драгоценный опыт общения неизменно оказывается полезным. У маленькой Стивен не было шанса приобретать разум у ровесников. Она получала много, щедро, но принимала это без труда и без особой благодарности – любые дары казались ей чем-то само собой разумеющимся. Она чувствовала себя очень значимой персоной, своего рода центром мира. Дети окрестных фермеров, с которыми она изредка играла, испытывали трепет перед большим домом, так что не могли вести себя свободно. Они не были на равных с дочерью сквайра, так как успели усвоить уроки почтительности. Дети соседей-дворян были малочисленны, да и жили слишком далеко, чтобы стать для Стивен настоящими друзьями. Изредка Стивен встречала их в Норчестере, в обществе, где положено было демон-

стрировать благонравие, а искреннее веселье и простые игры не допускались. В итоге она не могла столкнуться с противодействием, с отказом подчиняться ее прихотям. Некому было сказать ей «нет» или поставить ее на место, когда девочка переходила границы.

Итак, Стивен училась читать Книгу Жизни, но доступны ей были далеко не все страницы. К шести годам, несмотря на всю любовь и заботу близких, несмотря на мастерство учителей, она приобрела весьма своеобразный и не вполне адекватный опыт столкновения с миром. Все и всё в Норманстенде было к ее услугам. Ее научили благотворительности, и она охотно оделяла помощью больных и нуждающихся, вызывая у многих искреннее умиление. Летиция убедила ее, что давать – намного благороднее, чем получать дары. Но что означало «давать» для маленькой девочки? Отдать то, что дорого ей самой, совершить жертвенный поступок, отказать себе в чем-то... об этом она не имела понятия. Добрая и отзывчивая душа, порывистый характер располагали к ней даже посторонних людей. Однако эти же свойства порой мешали ее воспитателям увидеть таящиеся опасности. Казалось, прелестный ребенок просто не нуждается ни в ограничениях, ни в корректировке поведения.

## Глава III. Гарольд

У сквайра Норманна был друг-священник, чей приход в Карстоне находился в тридцати милях от Норманстенда. Не великое расстояние для поездки по железной дороге, но в конном экипаже – это настоящее путешествие. И все же друзья находили время для встреч и воспоминаний о давних университетских годах. Сквайр Норманн и преподобный Эн-Вульф закончили Тринити-колледж в Кембридже, их дружба зародилась еще в те годы и выдержала испытание временем. Когда Гарольд Эн-Вульф приступил к служению в заводском городке в Центральных графствах, Норманн похлопотал о том, чтобы его товарищ получил должность ректора. Эн-Вульф был обременен делами, так что встречи друзей случались не часто. Усердие и авторитет ученого обеспечили преподобному возможность взять несколько частных учеников, которых он готовил к высшей школе. Когда удавалось освободиться, доктор Эн-Вульф спешил в Норманстенд, а сквайр время от времени навещал его, обычно приезжая на один день. Потом преподобный женился, у него родился сын, и семья сделала его гораздо большим домоседом. Однако когда ребенку исполнилось всего два года, миссис Эн-Вульф погибла в железнодорожной аварии, и сквайр Норманн приложил все силы, чтобы поддержать потрясенного и раздавленного горем друга, предложив ему лучший из даров – искреннее внимание и сочувствие. Потом наступил период, когда сам сквайр вступил в брак и погрузился в семейные дела, и тут уже ему потребовалось понимание и поддержка старого друга. А потом случилась новая беда, и Эн-Вульф прибыл в Норчестер, чтобы помочь с организацией похорон жены сквайра. После этого Норманн замкнулся и практически прекратил старую дружбу, и несколько лет друзья не встречались. Когда Стивен немного подросла, сквайр захотел восстановить прежние связи с миром, а поскольку он не решался и на день оставить дочку одну, без его личного присмотра, ему показалось разумным не отправляться в путешествие, а пригласить старого друга к себе в гости. Примерно через неделю Эн-Вульф появился в Норманстенде. Мужчины нашли друг друга немало изменившимися, но былая привязанность не была утрачена после долгого перерыва и тяжелых переживаний.

Маленькая Стивен очаровала преподобного. Изящество и красота девочки, приветливая манера общения были бесспорными, а ей самой было интересно пробовать силу обаяния на новом человеке. Кроме того, ректор рассказал ей о весьма любопытной персоне – своем сыне. Слова эти сперва вызвали интерес, а потом настоящее восхищение. Она задавала множество вопросов, а благодарный ректор с радостью говорил о любимом мальчике. По словам преподобного, сын его был крупным и сильным, быстро бегал и отлично плавал, играл в крикет и футбол лучше всех ровесников. Глядя в светящиеся восторгом темные глаза девочки, он испытывал прилив энтузиазма, сердце одинокого отца таяло от счастья – внезапно он нашел кого-то, искренне увлеченного его разговорами о сыне. А другой отец был в упоении от того, что его дочь так взволнована и рада. Тем более что ему была симпатична сама мысль, что ей интересно слушать про крикет, футбол и прочие «мальчишковые» игры. Он одобрительно кивал, убежденный в правильном направлении ее мыслей.

Они провели в саду весь день, расположившись у ручья, вытекавшего из-под скалы, и Эн-Вульф все говорил и говорил. О потрясающем матче по крикету против «Кастра Пуерорум», в котором его сын набрал сто очков. О школьных соревнованиях, в которых он завоевал множество призов. О заплыве на реке Ислам, когда, одержав победу и уже переодевшись, он снова бросился в реку – прямо в костюме, – чтобы спасти детей, лодка которых перевернулась. О том, как пропал единственный сын вдовы Нортон, а юный Гарольд отважно нырял в глубоком водозаборе перед мельничной дамбой Карстон, где утонул кузнец Уингейт. И как после двух безуспешных попыток он настоял на третьей, хотя все отговаривали его; и как

он вынес на руках ребенка – белого, словно смерть, и такого застывшего, что отогреть его пришлось в золе, в печи пекаря, чтобы вернуть к жизни.

Когда няня пришла отвести Стивен спать, девочка соскользнула с отцовских коленей, подбежала к доктору Эн-Вульффу, пожалала ему руку и очень серьезно произнесла:

– До свидания! – А потом поцеловала его в щеку и добавила: – Большое спасибо вам, мистер папа Гарольда. Вы не смогли бы вскоре снова приехать к нам и рассказать о нем еще?

Вернувшись к отцу и пожелав ему спокойной ночи, она прошептала в самое ухо сквайра:

– Папочка, пожалуйста, пусть мистер папа Гарольда приезжает к нам еще, и пусть привозит с собой Гарольда!

Последнее и самое важное – о приглашении самого Гарольда – она решила сказать в самом конце.

Две недели спустя доктор Эн-Вульфф вернулся и, действительно, взял с собой сына. Стивен едва хватило сил дожидаться их – как только ей сообщили новость, она просто места себе не находила от волнения. Большой мальчик, такой замечательный, занимал все ее мысли, и она целую неделю накануне визита донимала миссис Джерролд вопросами, на которые та не могла ей ответить. Наконец, долгожданный день настал, и Стивен вышла вместе с отцом к парадному входу встречать гостей. Она стояла на верхней площадке монументальной гранитной лестницы перед домом, которую во время непогоды накрывали сверху белым навесом. Девочка сжимала руку отца, а свободной ладонью приветливо помахала прибывшим.

– Доброе утро, Гарольд! Доброе утро, мистер папа Гарольда!

Дети были рады знакомству, между ними мгновенно установилась дружба. Девочку совершенно очаровал большой, сильный мальчик, почти в два раза старше ее. В ее возрасте казалось естественным открыто выражать свои чувства и прямо говорить о любви к тем, кто ее вызывал. Миссис Джерролд тоже почувствовала симпатию к этому крупному, добродушному мальчику, который обращался с ней как с леди и застенчиво краснел, выслушивая признания маленькой хозяйки, охваченной детским восторгом. Гарольд влюбился в Стивен, насколько способен был в своем юном возрасте. Его нежность можно было бы иронически назвать «телячьей», но разве может быть нечто более естественное для теленка?

По натуре Гарольд был искренним и глубоко чувствующим. Лишенный материнской любви, довольно одинокий, он быстро привязался к девочке, которая вызывала в нем смесь детской радости и каких-то новых, незнакомых еще эмоций. Он не умел выражать чувства, но сердце его было переполнено. Надо сказать, что у Гарольда не было близких друзей-ровесников: его отец много работал, брал частных учеников, и значительная часть домашних забот рано легла на плечи мальчика, лишая его возможности беззаботно играть с другими детьми. Девочек в школе не было, а у друзей доктора Эн-Вульфа были в основном сыновья, а если и были дочери, то они держались особняком. Так что опыт общения со Стивен оказался для Гарольда весьма непривычным. Он знал, как вести себя с другими мальчиками, но теперь пребывал в смущении.

Гарольду было двенадцать лет, перед поездкой отец подробно рассказывал ему о Норманстенде. Предстоящее казалось мальчику настоящим приключением: он и предвкушал, и опасался этого места. Между отцом и сыном установились отношения, основанные на любви, доверии и взаимопонимании. Потеря любимой жены обострила и укрепила привязанность преподобного к сыну. Когда он описывал мальчику, какой хорошенькой, милой и грациозной была маленькая Стивен, тот рисовал ее в своем воображении и все сильнее волновался.

И первое впечатление не обмануло его ожиданий. Он никогда уже не забыл ту встречу. Стивен была решительно настроена на то, чтобы показать гостю, на что способна. Он умел

запускать воздушных змеев, плавать и играть в крикет, она этими искусствами не владела, зато уверенно держалась в седле. Она хотела показать Гарольду своего пони и продемонстрировать, как хорошо ездит верхом. Она заранее подумала, что надо найти пони и для мальчика – большого-пребольшого пони! Она даже советовалась со старшим конюхом по имени Топем. Она уговорила «дорогую папочку» разрешить ей после обеда взять Гарольда на конную прогулку. А потом с необычайной серьезностью взялась за подготовку. Она настояла на том, чтобы надеть красный костюм для верховой езды, подаренный ей отцом на день рождения, и теперь стояла на вершине лестницы во всем великолепии, сияя от счастья и гордости. Шляпки на ней не было, и прекрасные золотисто-рыжие волосы казались особенно яркими. Щеки ее тоже были пунцовыми, под стать одежде, одной рукой она крепко держалась за папину руку, а свободной приветственно помахала гостям. Девочка выглядела, как на картинке! Восхищенный отец глаз оторвать не мог от своего сокровища. Он почти забыл, что всегда хотел видеть в ней сына. Впрочем, он был доволен и тем, что удачно выбрал для нее костюм – это была его идея, сделать из дочки амазонку.

За обедом Стивен молчала; обычно она щебетала, как птичка, но тут была слишком взволнована. Кроме того, обычно ей хотелось развеселить папочку, а сегодня он был занят гостями и казался довольным. Юный Гарольд тоже не решался заговорить. И это служило для нее еще одним поводом хранить молчание: раз такой совершенный мальчик, как он, молчит, значит, это правильное поведение, и надо ему подражать.

Отправляясь вечером спать, она, как обычно, зашла к отцу, чтобы пожелать ему спокойной ночи. На этот раз она поцеловала не только своего папочку, но и «старшего мистера Гарольда», как стала теперь называть доктора, а потом, столь же непринужденно, подошла и поцеловала младшего Гарольда, который вспыхнул, как маков цвет. В первый раз в жизни его поцеловала девочка, пусть даже намного младше его.

На следующий день, с самого утра и до ночи, Стивен пребывала в состоянии непрерывного восторга. Ей было интересно все, что связано с Гарольдом, все, чем они занимались вместе. Гарольд был терпелив и добр по отношению ко всем младшим детям, а Стивен ему очень нравилась, так что он покорно следовал за ней повсюду. За этот день он окончательно влюбился в нее всем своим еще детским сердцем.

Когда пришло время прощаться, Стивен снова стояла на лестнице рядом с отцом. Экипаж с гостями достиг самой дальней точки подъездной аллеи, Гарольд махал шляпой из окошка, и вот уже они скрылись из виду. Сквайр Норманн развернулся, чтобы войти в дом, но почувствовал сопротивление детской ручки. Стивен все еще смотрела на опустевшую дорогу. Он терпеливо подождал, пока она наконец вздохнула и тоже обернулась к двери.

В тот день, прежде чем отправиться спать, Стивен забралась на колени к отцу и ласково прошептала ему на ухо:

– Папочка, а как было бы славно, если бы Гарольд смог переехать к нам насовсем. А мы можем попросить его об этом? И старший мистер Гарольд тоже мог бы приезжать. О, как жаль, что они уехали!

## Глава IV. Гарольд в Норманстенде

Два года спустя юного Гарольда поразил страшный удар. После серии простуд у его отца началось воспаление легких, за несколько дней приведшее его к могиле. Сердце мальчика было разбито. С отцом его связывала настоящая, глубокая близость, теперь мир рухнул, и Гарольд почувствовал себя в совершенном одиночестве.

После похорон сквайр Норманн забрал мальчика к себе. Уже в Норманстенде они посидели в молчании, а потом сквайр взял мальчика за руку и не отпускал ее, пока тот не перестал плакать. Гарольд уже привык к другу отца, а потому не стеснялся теперь своего горя и не боялся нарушить приличия. Теперь между ними начинали устанавливаться новые отношения, и доверие, сочувствие стали первыми шагами в верном направлении.

Когда мальчик немного успокоился, Норманн сказал:

– А теперь послушай меня, Гарольд. Дорогой мой мальчик, ты знаешь, что мы с твоим отцом были старинными друзьями, и я уверен, что он бы одобрил меня сейчас. Ты должен жить у меня в доме. Я знаю, что в последние часы жизни твой отец больше всего беспокоился о твоей судьбе. И еще я знаю, что для него послужило бы утешением то, что мы станем настоящими друзьями, и что сын моего дорогого друга и для меня станет настоящим сыном. Мы уже давно знакомы, Гарольд, между нами есть доверие, надеюсь, что и родственные чувства. Вы с моей Стивен тоже подружились, и твое присутствие в доме нас с ней очень обрадует. Знаешь, в самый первый раз, когда ты гостил у нас, после вашего отъезда она говорила, как замечательно было бы пригласить тебя жить с нами.

Так Гарольд Эн-Вульф младший поселился в Норманстенде и стал членом семьи сквайра, фактически его сыном. Стивен была рада видеть друга и искренне сочувствовала его горю, однако выражала это по-своему. Встретив его, она обняла Гарольда, поцеловала и, взяв его большую и крепкую руку в обе ладони, очень тихо и мягко проговорила:

– Бедный Гарольд! Мы будем любить друг друга, ведь мы оба потеряли наших мам, а теперь ты лишился отца. Но поверь: мой дорогой папочка станет отцом и для тебя!

К этому времени Гарольду шел уже пятнадцатый год. Он был настолько образован, что уже начинал давать частные уроки. Его отец хорошо позаботился об образовании сына, дав ему знания во многих академических областях. Преуспел юноша и в спортивных занятиях. Он прекрасно ездил верхом, хорошо стрелял, фехтовал, бегал, прыгал и плавал, опережая многих ровесников.

В Норманстенде он продолжил обучение. Сквайр Норманн часто брал его с собой на верховые прогулки, на рыбалку или охоту. Стивен была слишком мала, для того чтобы стать серьезным партнером отцу в этих занятиях, составлявших обязательную часть жизни солидного землевладельца. Обосновавшись в Норманстенде, Гарольд стал давать уроки Стивен. Разница в возрасте между ними была достаточно велика, чтобы девочка слушалась старшего товарища, а особенности его характера позволяли ему уверенно руководить и ровесниками, и младшими, заслуживая уважение и у мальчиков, и у девочек. Скромность и доброта удачно сочетались в нем с решительностью и своеобразной отвагой. В школе у него случались конфликты, вызванные его принципиальной позицией и душевным благородством, побуждавшим его занимать сторону слабых. Отец всегда гордился рыцарственным поведением сына и его предельной честностью, считая это результатом частично голландского происхождения – о нем можно было судить по родовому имени: приставка Эн была искажением типичного для Нидерландов «ван». В семье было принято читать саги, усваивая гордую философию викингов.

На новом этапе жизни Гарольд быстрее взрослел и набирался опыта. Прежде он не чувствовал такого груза ответственности, полагаясь на решения отца, позволяя себе порой

слабости. Но теперь ему нужно было стать сильным и самостоятельным. У него начинал формироваться мужской характер – независимый и благородный.

Но то, что было его силой, в иных ситуациях оборачивалось слабостью. И юная Стивен инстинктивно нащупала это, постепенно пытаясь контролировать старшего друга и оттачивая на нем мелкие женские хитрости. Она училась кокетничать и находить силу в нежности и видимой слабости. А он испытывал искреннее удовольствие, уступая ей, нарушая порой собственные планы ради того, чтобы побаловать свою очаровательную маленькую подружку.

Порой Гарольду приходилось нелегко, когда он исполнял прихоти Стивен, а потом прилагал усилия, чтобы исправить последствия. Мало-помалу уверенность Стивен в друге росла, он стал для нее естественной частью жизни, опорой и источником радости. Она безоговорочно верила в его преданность. И чем старше она становилась, тем крепче была ее уверенность.

Семья Норманнов по традиции заботилась о старинной церкви св. Стефана, местном приходском храме. Там, в пределах современных стен, а также древних, оставшихся частично от прежнего здания, перестроенного сэром Стивеном, знаменосцем короля Генриха VI, были похоронены все представители династии владельцев Норманстенда. Прямая семейная линия шла от первого сэра Стивена, записанного в «Книгу Страшного суда» – древнейший регистр землевладений и прочих хозяйств Британии. На церковном дворе, поближе к храму, хоронили родственников Норманнов, скончавшихся в Норчестере. Некоторые покойные удостоились особой чести быть погребенными рядом с алтарем. Внутри церкви хранились записи обо всех членах семьи Норманнов. Сквайр регулярно посещал храм и приводил с собой дочку. Одним из первых ее воспоминаний было – как она стоит на коленях рядом с отцом, а он держит ее за руку, свободной ладонью отирая слезы с глаз. Они были перед великолепным скульптурным надгробием из белого мрамора. Стивен на всю жизнь запомнил слова, сказанные тогда ее отцом: «Не забывай, дитя мое, в этом священном месте покоится твоя матушка. Когда меня не станет, а тебе понадобится утешение в беде, приходи сюда. Побудь здесь одна, открой свое сердце. Без страха и колебаний проси помощи у Бога здесь, у могилы твоей матери!»

Девочку поразила тогда серьезность отца, и она, действительно, хранила его слова глубоко в сердце. Вот уже семь столетий дети семьи Норманн приходили сюда со своими родителями, чтобы услышать нечто подобное. Это стало чем-то вроде семейного ритуала, который каждый раз, в той или другой степени, производил впечатление на юного наследника.

Когда Гарольд посещал Норманстенд еще при жизни своего отца, ему нередко доводилось бывать в этой фамильной церкви, и она ему очень нравилась. Он восхищался атмосферой древности, торжественной обстановкой и наглядной памятью прошлого. И любовь к этому месту стала еще одной ниточкой, связывавшей их с юной Стивен.

Однажды они вдвоем пришли к церкви и обнаружили дверь крипты открытой. Стивен, конечно, захотела войти, но у них не было с собой фонаря, а внутри царил тьма. Молодые люди договорились вернуться утром, захватив с собой свечи, чтобы исследовать загадочное помещение. И они осуществили этот план. Стивен в восторге заглянула в глубину и не удержалась от вопроса:

– А ты не боишься входить в крипту?

– Ничуть! В церкви, где служил мой отец, тоже была крипта, и я несколько раз посещал ее, – ответил Гарольд, невольно вспомнив, как это было в последний раз.

Воспоминания нахлынули волной: мелькающие на стенах тени от множества свечей, звук шагов тех, кто нес массивный дубовый гроб, узкую дверь в подземелье... А потом все это стихло и растаяло, и некоторое время он оставался один перед могилой своего горячо

любимого отца. Сердце его разрывалось от боли, а потом он почувствовал, как на плечо опустилась теплая рука сквайра Норманна.

Юноша чуть помедлил, а потом отступил.

– Почему ты не идешь? – удивилась Стивен.

Ему не хотелось объяснять. Казалось, это будет неуместно. Он часто рассказывал подруге о своем отце, и она всегда была добрым слушателем, но здесь, у входа в мрачный склеп, он не желал ранить ее своим горем, не хотел передавать ей свои мрачные воспоминания, чтобы навсегда не связать их с этим особенным для нее местом. А пока Гарольд колебался, ему в голову вдруг пришла мысль, что несколько лишних мгновений дают возможность преодолеть боль и страх.

В этой крипте была похоронена мать Стивен, и если они войдут, девочка увидит ее надгробие – как он видел могилу своего отца. Это смутило его, он уже не считал посещение крипты удачной идеей. Та далекая крипта, в Карстоне, запомнилась ему как мрачные покои смерти. Теперь воображение оживило детскую память, и Гарольд вздрогнул, тревожась больше за Стивен, чем за себя. Он не хотел, чтобы она страдала. Как ужасно столкнуться лицом к лицу со смертью! Он припоминал, сколько раз просыпался в ужасе по ночам, представляя, как отец лежит один, в холодном, темном, покрытом пылью склепе, в гробовой тишине, во мраке, который не может рассеять ни один лучик надежды или любви! Совсем одинокий, оставленный всеми, хотя одно сердце продолжало стонать от боли и тоски по нему. Гарольд готов был на все, чтобы уберечь Стивен от подобных кошмаров. Однако он не находил повода, чтобы отказаться теперь от посещения крипты.

Гарольд задул свечу и запер замок, а потом вытащил ключ и положил его в карман.

– Пойдем, Стивен, – сказал он решительно, – давай погуляем где-нибудь в другом месте. Не стоит посещать крипту сегодня.

– Почему? – Стивен надула губки и слегка порозовела от досады.

Властная маленькая леди не желала так легко отказаться от задуманного. Она со вчерашнего дня обдумывала это приключение, а теперь все оборачивалось разочарованием, и Гарольд даже не желал дать ей объяснение. Ей не приходило в голову, что он испугался, это было бы нелепо. Но она искренне недоумевала, а загадки Стивен терпеть не могла. Ее любопытство, гордость, привычка делать по-своему... все протестовало.

– Почему нет? – настойчиво повторила она.

– Есть весьма серьезная причина, Стивен, – мягко произнес Гарольд. – Не спрашивай меня о ней, я не смогу сказать. Но поверь, я прав. Ты ведь знаешь, дорогая, я не стал бы огорчать тебя понапрасну! Я понимаю, что тебе очень хочется этого, но нам лучше не ходить туда сегодня.

Вот теперь Стивен по-настоящему рассердилась. Она умела прислушиваться к разумным доводам, но принять нечто вслепую – это противоречило ее натуре, не говоря уже о том, что в ее возрасте всем бывает трудно принимать отказ. Она уже готова была разразиться гневной отповедью, но взглянула на твердо сжатые губы Гарольда, заметила решимость на его лице и внезапно признала необходимость отступить.

– Хорошо, Гарольд, – коротко ответила она.

Однако в глубине души она сохранила твердое намерение посетить крипту при удачном стечении обстоятельств. От своих желаний Стивен отказываться не привыкла.

## Глава V. Крипта

Минуло несколько недель, прежде чем Стивен представилась такая возможность. Она знала, что избежать присмотра со стороны Гарольда будет непросто, ведь он был наблюдателен, особенно если речь шла о деле, всерьез взволновавшем его подопечную. Ее доверие к Гарольду приняло странную форму недоверия ко всем остальным. А теперь, решившись ускользнуть от его внимания, она сочла разумным обратиться к людям, обычно далеким от нее, словно желая действовать наоборот, вопреки своим привычкам. «Нет хорошего или плохого, все зависит от нашего отношения!» – подумала она. Сперва намерение посетить крипту было всего лишь случайным импульсом, но, по мере того как она думала об этом и строила планы, желание росло и росло, превращаясь в какую-то одержимость. Гарольд заметил, а скорее почувствовал, что девочка что-то замышляет, и логично предположил, что это связано с криптой. Однако он решил, что лучше не заговаривать с ней на эту тему. Он надеялся, что ее желание посетить крипту со временем исчезнет само собой.

Гарольду надо было на день съездить в Карстон, чтобы уладить с поверенным отца некоторые дела. Он планировал переночевать там и вернуться верхом наутро. Стивен тут же увидела в этом свой шанс. Она решила обратиться за помощью к мастеру Эверарду, сыну банкира, недавно купившего поместье по соседству. Она пригласила юношу в гости в тот самый день, когда Гарольд планировал уехать в Карстон. В Итоне наступили каникулы, и молодой сосед (его звали Леонард) проводил их в новом имении. Стивен ни слова не сказала Гарольду о приглашении, однако миссис Джерролд случайно упомянула об этом в его присутствии. Гарольд не придавал визиту соседа большого значения, хотя слегка удивился, что Стивен, обычно делившаяся с ним всеми подробностями своей жизни, не сказала об этом.

Когда Леонард прибыл, Стивен некоторое время выжидала, а потом, как бы между прочим, сообщила о намерении посетить крипту и попросила о помощи. Это показалось школьнику весьма увлекательным приключением, и они быстро обсудили, как все устроить. Единственное, о чем сожалел Леонард, это о том, что отправляется в подземелье с маленькой девочкой. Это было уколом его тщеславию, тем более что даже сама идея принадлежала ей, а не ему самому. Однако он все же сумел на следующий день завладеть ключом, а потом подождал в церковном дворе, пока к нему присоединилась Стивен, ускользнувшая от няни. Ей было одиннадцать лет, и она все больше уставала от постоянного сопровождения миссис Джерролд, так что та привыкла к внезапным исчезновениям девочки на часок и не слишком беспокоилась в таких случаях.

А тем временем в Карстоне Гарольд справился со всеми делами и следующим утром выехал в Норманстенд. Ему предстояло одолеть тридцать миль, так что после раннего завтрака, в восемь часов, он сел на своего коня Маленького Джона – отличное животное, прекрасно отдохнувшее после долгого путешествия накануне. Словно почуяв, что они возвращаются домой, конь приободрился и пошел даже веселее, чем на пути в Карстон. Настроение у Гарольда тоже было отличным. Несмотря на грустные мысли об отце и ностальгию по старому дому, юноша радовался физической нагрузке и перемене обстановки. Молодость жизнерадостна.

Едва приехав в Карстон, Гарольд посетил церковь и преклонил колени перед камнем, служившим священным напоминанием о его отце. В этот момент юноша едва сдержал слезы, но после посещения могилы испытал облегчение. Утром, перед отъездом, он снова заглянул сюда, но уже без такого острого переживания утраты. Ему показалось, что он и вправду встретился с отцом.

Когда впереди появился силуэт Норманстенда, Гарольд прищипил коня. Ему не терпелось поскорее увидеть Стивен. На пути к дому, с крутой дороги через возвышенность

Альт-Хилл, открывался вид на старинную церковь в долине – мимо нее можно было срезать, минуя Норчестер. Посещение отцовской могилы навело Гарольда на воспоминания о том дне, когда он удержал девочку от посещения местной крипты.

Некоторые мысли остаются не сформулированными, не вполне сознательными. Не отдавая себе отчет в причинах поступка, Гарольд внезапно свернул на тропу, которая вела к церкви. Открывая дверь храма, он почти ожидал увидеть Стивен, у него даже родилось смутное подозрение, что Леонард Эверард мог быть вместе с ней.

В церкви было сумрачно и прохладно. После жаркого и солнечного августовского дня казалось, что в ней царит темнота. Гарольд огляделся и испытал облегчение: церковь была пуста.

Но тут до него долетел какой-то звук – и сердце юноши похолодело. Это был приглушенный возглас страдания, словно сдавленные рыдания, а потом все стихло.

Это, несомненно, был голос Стивен. И Гарольд был уверен, что доносится он из крипты. Она ведь так хотела войти туда! Однако он не ожидал, что она решится пойти туда так скоро. Он поспешил за угол – туда, где начинался спуск к дверям крипты. Навстречу ему по лестнице метнулась фигура: мальчик в итонском пиджаке, бледный и взволнованный. Это был Леонард Эверард. Гарольд схватил его за руку.

– Где Стивен? – воскликнул он.

– Там внизу, в крипте. Она уронила свою свечу и взяла мою, а потом и ее уронила. Пустите меня! Пустите! – он попытался вырваться, но Гарольд крепко держал его.

– Где спички?

– У меня в кармане. Пустите же! Отпустите меня!

– Дай их сюда, немедленно! – резко приказал Гарольд перепуганному мальчику, а потом сам проверил его карманы.

Он отпустил Леонарда лишь после того, как нашел спички, и мальчик бросился вон. Сам Гарольд спустился по лестнице и открыл как можно шире дверь в крипту.

– Стивен, Стивен, дорогая! Где ты? Это я, Гарольд! – ответа не было.

Сердце юноши тревожно колотилось, он чувствовал, как подступает к нему холодок.

Вспыхнула спичка, Гарольд успел заметить, что крипта невелика, а на полу что-то белеет. Он шагнул вперед – осторожно, чтобы порыв ветра не задул спичку. На полу он разглядел Стивен, которая лишилась чувств перед массивным надгробием, возвышающимся на монументальном каменном основании. А потом спичка погасла. Пока горела следующая, он заметил свечу на надгробии, взял и попытался зажечь ее. Несмотря на волнение, он мог рассуждать совершенно здраво, а потому понимал, что свет – первое, что ему сейчас нужно. Фитиль был поврежден, а потому никак не загорался. Пришлось использовать еще одну спичку, на этот раз последнюю. Наконец, жир подтаял, и фитиль загорелся. Одно дело сделано. Затем он поставил свечу на крышку гроба, так что слабый, но отчетливый свет распространился по всему помещению. Гарольд наклонился и взял на руки Стивен. Она еще была без чувств, и тело ее обмякло, так что на мгновение он испугался, что она умерла. Не теряя времени, Гарольд поспешил к выходу из склепа – на свет со стороны лестницы, теперь казавшийся ему очень ярким. Удерживая девочку одной рукой, он подтянул одну из длинных подушек, лежавших на молитвенных скамьях, и бросил ее на пол, а потом осторожно опустил Стивен на эту подушку. Его переполняли нежность и жалость к девочке. Она была в этот момент такой беззащитной, такой беспомощной! Она напоминала сломанную игрушку, руки и ноги безвольно свисают, белое платье испачкано. Гарольд склонился и расправил задравшийся подол, а потом опустился на колени и убедился, что ее сердце бьется. Горячие слова благодарственной молитвы буквально вырвались из глубины души. Она жива! Пульс у девочки совсем слабый, но отчетливый. Гарольд встал и поспешил к двери, подхватив шляпу, которую прежде оставил на скамье. Он хотел принести воды. Снаружи он заметил

Леонарда, но не уделил ему внимания, побежав к ручью. Он наполнил водой шляпу и потопился назад, в церковь. Стивен уже очнулась и теперь сидела на подушке, а Леонард поддерживал ее.

Гарольд был и рад, и разочарован. Он бы предпочел не видеть Леонарда рядом с ней. Он не забыл белое лицо мальчика, который удрал из крипты, бросив Стивен одну, на полу склепа, без чувств, а потом просто воспользовался ситуацией, пока Гарольд бегал за водой. Впрочем, юноша отмахнулся от этой мысли и подошел к девочке, помог ей подняться, чтобы вывести ее на свежий воздух. Он решил, что вид неба, зелени станут лучшим лекарством от пережитого ею страха. Он взял ее на руки, как бывало прежде, пока она была совсем маленькой и уставала на прогулке, и понес к выходу. Она обняла его за шею и склонила голову на его плечо. Этот жест выражал доверие и привязанность. Она словно признавала его силу и готова была принять защиту и заботу. С каждой минутой к ней возвращалось присутствие духа, последствия обморока проходили, хотя глаза девочки все еще были полуприкрыты. Первыми чувствами, которые она испытала, были вина и раскаяние. Появление Гарольда живо напомнило ей о том, что он возражал против посещения крипты, а она его обманула, зная, что он не одобрит ее поступок. Но в присутствии Леонарда, который шел следом, она не хотела говорить с Гарольдом о том, что случилось и что она теперь чувствует. Однако тяга к справедливости побуждала ее завести разговор на другую тему, о самом Леонарде.

– Не сердись на Леонарда, это не его вина. Это я все придумала! – благородно заверила она Гарольда, не зная, что тот возмущен не столько присутствием мальчика в крипте, сколько его бегством отсюда и тем, что он оставил спутницу в беде.

Вслух Гарольд сказал:

– Я не виню его за то, что он пошел с тобой!

Леонард был готов защищаться, он ждал упреков. Он считал, что самозащита – долг молодого джентльмена. Кроме того, он был уверен, что его собственная безопасность важнее всего.

– Я пошел за помощью, – торопливо выпалил он. – Ты уронила свечу, я же не видел ничего в темноте. Это ты настояла на том, чтобы пойти в эту крипту!

Стивен издала тихий, долгий стон, заставивший сердце Гарольда мучительно сжаться. Она вновь опустила голову ему на плечо. Гарольд через плечо бросил Леонарду яростным шепотом, стараясь, чтобы его не слышала девочка:

– Ступайте прочь! Вы уже достаточно натворили. Уходите! – а когда мальчик попытался возражать, энергично добавил еще раз: – Уходите!

На этот раз Леонард послушался и поспешил к поросшим мхом воротам, а потом остановился в ожидании там, на почтительном расстоянии.

Стивен заметно дрожала, прижимаясь к Гарольду, она явно была на грани истерики. Потом ей не хватило сил сдерживаться. И она разрыдалась.

– О Гарольд! Это было ужасно! Я даже не думала, что моя дорогая мамочка похоронена там. Когда я прочитала ее имя на том надгробии, оно было прямо передо мной... Я смахнула пыль и сразу увидела ее имя: «Маргарет Норманн, 22 года». Это было невыносимо. Она была такой молодой, всего в два раза старше, чем я сейчас! И она лежит теперь в ужасном темном месте, среди пыли и паутины. О, Гарольд, Гарольд, как можно об этом думать? И я ведь не видела ее и никогда не увижу, никогда!

Гарольд попытался успокоить ее, поглаживая по плечу. Решимость совсем оставила девочку, она казалась теперь маленьким ребенком. Но потом характер начал брать свое. Она не спрашивала Гарольда, как оказалась наверху в церкви, хотя потеряла сознание в крипте. Вероятно, она думала, что ее вынес отсюда Леонард, а благодарила Гарольда за храбрость она из вежливости и благодарности за то, что он не ругает ее теперь. Она наконец собралась с силами и смогла идти сама. Когда они приблизились к воротам, Леонард сделал шаг

навстречу, но прежде чем он успел заговорить, Стивен поблагодарила и его. Он позволил ей это, хотя и покосился на суровое лицо Гарольда и заметил насмешку на его губах. А потом Леонард поспешил откланяться. Он шел домой, испытывая горечь и досаду, пылая жаждой мести за пережитое унижение.

В парке Стивен попыталась отряхнуть грязь с платья, Гарольд старался помочь ей, но все было напрасно – белое платье тут и там было покрыто пятнами земли, насквозь проникшей сквозь тонкий муслин. Едва оказавшись дома, девочка поторопилась по лестнице к себе, пока никто не встревожился, увидев ее в таком состоянии.

На следующий день они с Гарольдом пошли прогуляться. Оставшись наедине, вдали от тех, кто мог бы случайно услышать их разговор, Стивен сказала:

– Я всю ночь думала о бедной маме. Конечно, я понимаю, что нельзя забрать ее из крипты, она останется там. Но ведь вся эта грязь – там не обязательно должно быть так ужасно. Я прошу тебя пойти со мной туда через некоторое время. Я боюсь вновь оказаться там одна. Мне хотелось бы отнести ей цветы, убрать там хоть немного. Ты пойдешь со мной на этот раз? Теперь я понимаю, Гарольд, почему ты не пускал меня туда. Но сейчас все изменилось. Это уже не любопытство. Я чувствую, что это мой долг. Что скажешь?

Гарольд спрыгнул с невысокой ограды парка, отделявшей лужайку от оврага и раскинувшегося за ним красивого ландшафта<sup>1</sup>, и протянул руку девочке, чтобы помочь и ей спуститься.

– Идем, давай пойдем туда сейчас! – предложил он.

Стивен взяла его за руку и, пока они пошли по тропе, чуть заметно прижималась к нему, робея и в то же время чувствуя себя под надежной защитой. По дороге они заглянули в ту часть сада, которую она называла своей собственной, чтобы собрать цветы – Стивен выбирала исключительно белые. Наконец они оказались вновь перед старинной церковью. Дверь была открыта.

Гарольд достал из кармана ключ от крипты – это удивило девочку и несколько отвлекло от переживаний, связанных с предстоящим возвращением в склеп. Она молча наблюдала за тем, как ее друг отпирал дверь крипты. Внутри, в специальных кронштейнах, она увидела несколько свечей в стеклянных футлярах, оберегавших их от сквозняка, а также коробки спичек. Гарольд зажег три свечи, одну оставил в кронштейне, а две другие взял в руки. Стивен крепко прижимала к груди букет правой рукой, а левой приняла у Гарольда свечу. Сердце девочки бешено колотилось, когда она шагнула внутрь крипты.

Для того чтобы дать ей время освоиться, Гарольд принялся рассказывать о крипте в церкви его отца, о том, как навещал его могилу, как стоял на коленях перед ней. Стивен была тронута, ее волнение не стало меньше, но теперь она переключилась на другую тему, задумалась о чувствах своего друга, а не только о своих. Мало-помалу глаза ее привыкли к сумраку, она стала различать детали: контуры помещения, своды, ряды массивных каменных гробов вдоль дальней стены. Она с удивлением обнаружила, что самый новый из них уже очищен от пыли и паутины, столь напугавших и огорчивших ее в прошлый раз. Осмотревшись, она отметила еще кое-что: кто-то смел паутину и со стен и сводов, подмел пол. Стивен сделала несколько шагов к могиле матери и опустила на колени. Гарольд также встал на колени рядом с ней. Некоторое время они молча, сосредоточенно молились. Затем девочка встала и положила букет на крышку гроба – туда, где, как ей казалось, должно было находиться материнское сердце. Когда она обернулась к Гарольду, он увидел, что по лицу ее текли слезы. Стивен шагнула вперед и положила голову ему на грудь. Она не могла дотянуться и обнять его за шею, он был слишком высок для нее, и тогда юноша сам приобнял девочку, нежно,

---

<sup>1</sup> Такие ограды в английских парках известны под названием «ха-ха» или «ах-ах», они рассчитаны на то, чтобы любоваться окружающим пейзажем. (Прим. переводчика.)

по-братски. Теперь она была спокойна и тиха, пароксизм горя миновал. Оторвавшись от Гарольда, она взяла его за руку, и они вместе поднялись по лестнице в церковь. Не отпуская ладонь девочки, чтобы не потревожить ее и не разорвать образовавшуюся между ними связь, Гарольд погасил свечи и запер дверь крипты.

Несколько мгновений спустя она отпустила его, развернулась, серьезно взглянула прямо в его глаза и медленно, почти торжественно произнесла:

– Гарольд, это ведь ты очистил крипту от грязи?

С внезапным смущением он ответил:

– Я знал, что ты непременно захочешь пойти!

Она взяла его за руку и, прежде чем он успел понять, что она намерена сделать, поднесла ее к губам и поцеловала, а потом нежно проговорила:

– О, Гарольд! Ни один брат на свете не мог бы быть добрее, чем ты. Мы... – она всхлинула, – мы обе благодарны тебе: мы с мамой!

## Глава VI. Поездка в Оксфорд

Важные перемены в доме произошли, когда Гарольд приступил к учебе в Кембридже. Его отец всегда мечтал об этом, и сквайр Норманн был настроен исполнить желание покойного друга и направить юношу именно в этот университет. Гарольд поступил в Тринити-колледж, который закончил его отец, и, естественно, ему предстояло жить там в течение семестров.

Стивен было уже почти двенадцать, ее круг общения был ограничен из-за замкнутого образа жизни семьи, однако у нее все же появились друзья. В основном это были дети соседей и знакомых отца, которые составляли ей компанию с самого детства, те, с кем она играла в прошлые годы. Стивен никогда не забывала, что папочка ждет от нее успехов в спортивных занятиях, крепости и отваги. И, по мере развивавшейся в ней женственности, она все меньше хотела быть мальчиком, а не девочкой. Таким образом, ей удавалось хорошеть и становиться милой и привлекательной, не утрачивая определенных черт, характерных для ровесников мужского пола.

Среди друзей Гарольда, приезжавших с ним на каникулы, был и Леонард Эверард – теперь высокий и красивый юноша. Он был одним из тех молодых людей, что рано формируются и избавлены природой от нескладности, свойственной переходному возрасту. Отличная фигура, хорошо подобранная одежда, подвижность и ловкость – все в нем привлекало внимание и радовало глаз. В играх он легко брал верх над сверстниками, словно это не требовало от него никаких усилий, получалось само собой. Успех во всех сферах деятельности придавал ему некоторое высокомерие и небрежность, но очарование юноши смягчало то, что могло бы производить негативное впечатление. В его присутствии многим казалось, что в комнате стало светлее, как будто в нее, вместе с Леонардом, ворвался луч света.

Стивен разделяла общее восхищение молодым человеком. Его юность, красота и складность оказывали на нее сильное действие. Как показало дальнейшее развитие событий, ее сердце не было поражено – стрелы Купидона были предназначены для более зрелых жертв. Но откровенное мужское превосходство Леонарда и само то, что он был несколькими годами старше, в сочетании с его поразительной уверенностью в себе и нежеланием или неумением учитывать ее чувства (или чьи бы то ни было), ставили его в особое положение в глазах Стивен. Она просто не знала, как с ним обращаться, а потому невольно уделяла больше внимания, чем остальным. Первым шагом стало осознание, что во многих отношениях они не ровня; затем она обнаружила – скорее уловила интуитивно, чем сформулировала для себя словами, – что он имеет на нее больше влияния, чем она на него. Склонность героизировать малознакомого человека тоже сыграла свою роль – а Леонард был подходящей моделью для игры воображения. Давний эпизод в крипте Стивен истолковала неправильно, полагая, что он спас ее, вынес наверх, к свету. Он был сильным, отважным и решительным в момент ее слабости! Скромное благородство Гарольда стало причиной ее заблуждения и неверной оценки характера соседа.

Ничего удивительного, что она считала компанию красивого, властного и обаятельного юноши своего рода удачей и радостью для себя. Виделись они нечасто, так что устать от его самомнения она не успевала, а слабости не замечала. Глубоко укоренившийся эгоизм Леонарда ускользал от внимания совсем не глупой девушки. Но, в конце концов, он был всего лишь мимолетным явлением в ее жизни, наполненной впечатлениями и интересами. Семестр сменял семестр, одни каникулы приходили вслед за другими, принося сезонные развлечения, порой общие с симпатичным соседом. Собственно, больше и говорить было не о чем.

Отношения Стивен и Гарольда не претерпели изменений. Он был человеком постоянным и сдержанным, но по мере взросления детская привязанность к маленькой подружке перерастала для него в чувства более глубокие и серьезные. Однако они не находили внешнего выражения. Он оставался для Стивен преданным и надежным другом, защитником, но не искал награды и даже не надеялся на нее. Гарольд охотно исполнял ее желания, угадывая их с полупромысла. Он забавлял и радовал ее, и каждые каникулы становились для обоих возвращением в детство, в старую жизнь. Оба жили прошлым и наслаждались им.

Среди неизменных вещей из прошлого был костюм Стивен для верховой езды. Алое платье она надевала редко, только по особым случаям, так как понимала, что это не обычная одежда, а своего рода церемониальное одеяние. С ним были связаны семейные традиции, и Стивен дорожила ими.

В один из таких особых дней они с Гарольдом и оказались на церковном дворе, где услышали разговор девочек о том, что лучше: быть Богом или ангелом.

Когда Стивен исполнилось шестнадцать, она отправилась в гости в Оксфорд. Она остановилась в Сомервилле у миссис Эгертон, давней подруги ее матери, теперь занимавшей в этом колледже пост профессора. Стивен сразу отослала назад сопровождавшую ее горничную, так как обнаружила, что у девушек в университете личной прислуги нет. Было условлено, что она проживет в Оксфорде несколько недель. Стивен сразу влюбилась в это место, в особый, непривычный для нее образ жизни, и всерьез задумалась о поступлении в колледж. Она решила поговорить на эту тему с отцом, понимая, что он наверняка захочет исполнить ее желание, он всегда так поступал. Но затем она вдруг подумала, что он останется дома совсем один, и это заставило ее сердце мучительно сжаться. Он ведь и сейчас один! Прошло уже немало дней с ее отъезда, они впервые расстались! Стивен привыкла быстро принимать решения; возвращаться – значит возвращаться. Нет смысла тянуть с этим. Ей хватило нескольких часов, чтобы завершить визит и, несмотря на возражения миссис Эгертон, отправиться поездом домой, в Норчестер.

В поезде она задумалась о впечатлениях от краткого пребывания в университетском городе. Все там было для нее новым, странным и восхитительным, а эмоции захватывали так сильно, что не было сил осмысливать их. Ее мозг впитывал и поглощал увиденное и услышанное, чтобы потом, в спокойной обстановке, разобраться с приобретенными сокровищами и превратить их в опыт. В Оксфорде никто не направлял мысли Стивен, и ее впечатления оказались глубоко личными и несколько хаотичными. Конечно, миссис Эгертон умела находить общий язык с подопечными девушками, вести их сквозь горы и моря интеллектуальных и моральных трудностей окружающего мира. Она дала несколько уроков и Стивен, рассказав ей о современных спорах и актуальных темах, обсудив сложные этические и социальные вопросы. В основном они беседовали во время прогулок: миссис Эгертон обращала внимание юной гостьи на архитектурные памятники, беседовала с ней об истории и современности. Стивен оказалась превосходной ученицей, жадно ловившей информацию и свежие идеи. Однако перед ней разворачивались спонтанные картины жизни, превратившиеся в иные уроки, открывшие ей глаза на неведомые ранее проблемы. Вероятно, человек постарше и опытнее не заметил бы то, что бросалось в глаза девушке. Она подмечала самоуверенность и доминирование молодых мужчин, собиравшихся группами и бродивших свободно в парках, на улицах. Она удивлялась тому, какое важное место в их жизни занимал спорт, и как он чередовался с занятиями учебными. Не ускользнуло от нее и то, как мало значили для студентов женщины – по крайней мере, общение с ними не составляло большой доли их повседневной деятельности. Особое воспитание, данное ей отцом, сделало Стивен чувствительной к вопросу о взаимодействии полов в обществе: инстинкты у нее были женские, а привычки во многом типичные для мальчиков-сверстников. Теперь она оказалась в том мире, где мужчины откровенно преобладали и количественно, и по самому характеру

места. Это восхищало и тревожило ее. Ее тянуло к общению с ними, но она ощущала себя аутсайдером, посторонней. Внезапно она поняла, что ни в чем не готова опередить их. Они были сильнее, увереннее, образованнее. Естественно, она то и дело ловила восхищенные взгляды – она не была бы женщиной, если бы не умела замечать это. Но мужчины смотрели на нее как на красивую девушку, а не как на равного себе. Все это было ей внове, странно, требовало осмысления. Она понимала, что мир требует от нее чего-то такого, что выходило за пределы ее опыта и знаний. Обрывки случайных разговоров, чужих сплетен, намеки на скандалы, взволнованные шепотки – все это тоже вплеталось в ткань ее наблюдений. Мир для Стивен стремительно расширился, волны его накатывали, словно прилив. И голова ее шла кругом.

В поезде она оказалась на два часа наедине с собой и своими мыслями и воспоминаниями. И первый сделанный ею вывод мог бы удивить ее невольных учителей. Она перебирала картины и впечатления, а потом решительно заявила себе: «Определенно, я не такая, как они!»

В этот момент она думала о женщинах, а не о мужчинах. Столкновение с представительницами своего пола стало для нее настоящим откровением, причем откровением не из числа приятных. Она как-то разом увидела общую картину: женские слабости, мелочность и узость интересов, фальшь в общении и привычка использовать других в своих интересах. Ей показалось, что большинство женщин, встретившихся ей в поездке, заняты банальными и эгоистическими делами, желания их слишком приземлены, а вкусы примитивны. Невинность зачастую скрывает невежество, а любознательность оборачивается жалким любопытством...

Стивен почувствовала прилив стыда, инстинктивно коснувшись ладонью вспыхнувших щек. Как обычно, она впадала в крайность, отрицая теперь все женственное как проявление слабости и ничтожества. Но в то же время – наверное, впервые в жизни – она определенно осознавала себя женщиной!

Некоторое время она сидела неподвижно и глядела прямо перед собой. Поезд стучал на стыках, покачивался и время от времени тормозил на станциях, где сустились люди. Но девушка оставалась равнодушной к происходящему вокруг. Все ее душевные и физические силы уходили в этот момент на внутреннюю работу.

Да, она женщина. Значит, ей следует справиться со слабостями своего пола, ограничить их власть над своим разумом, научиться управлять собой. Она взвешивала, планировала, обдумывала свои действия. По крайней мере, ничто не мешало ей принять ответственность за свои поступки. Действовать исходя не из женской природы и ее порывов, а опираясь на разум и решительность. Обрести мужскую силу и сделать себя достойным человеком!

## Глава VII. Жажда знать

Когда Стивен объявила о намерении пойти вместе с отцом на заседание местного суда, женская часть населения Норманстенда и Норвуда впала в оцепенение. Это было совершенно неслыханным! Суд – место для мужчин, тем более что разбиравшиеся там дела могли быть совсем не во вкусе приличной дамы... А как вообразить присутствие там юной девушки? Нет, определенно нет!

Мисс Летиция Роули признавала, что перед ней встала непростая задача, ведь характер Стивен она знала, как никто другой.

Прежде чем отправиться в Норманстенд, она тщательно подготовилась: в частности, надела лучшую шляпку, которую извлекала на свет только в самых важных случаях. Когда дама вступила в гостиную Норманстенда, все мысли ее были поглощены стоявшей перед ней задачей, так что на посторонние предметы она не обращала внимания. Стивен была ей очень дорога, она восхищалась красотой девушки и ее несомненными достоинствами. И ей хотелось, чтобы девушка была идеальна и безупречна во всем. Теперь, по мнению мисс Роули, Стивен оказалась в опасности, и надо было немедленно оказать на нее влияние и спасти, открыть глаза на грозящую ей ошибку.

Стивен торопливо вошла в гостиную и приветствовала тетушку, которую тоже нежно и искренне любила. И странно было бы не любить ту, кто заботился о ней с момента рождения, кто всегда уделял ей столько внимания, восхищался и баловал с малых лет. Кроме того, девушка уважала пожилую даму, ценила ее откровенность и решительность, доброту и чувство собственного достоинства. Рядом с тетушкой Стивен всегда чувствовала себя уютно и в безопасности. Она могла сомневаться в отношении других людей, но привязанность мисс Роули не требовала дополнительных подтверждений. Любовь и уважение были взаимными и прочными. Однако долгое знакомство и девушку научило разбираться в настроениях и намерениях мисс Летиции. Она умела читать их по малейшим признакам. И парадная шляпка говорила ей о многом. Не стоило труда догадаться, что встревожило дорогую тетушку и заставило немедленно пуститься в путь, вооружившись торжественным костюмом. Стивен никак не желала огорчать тетушку, но потребность в новом опыте брала верх над чувствами. Оставалось лишь одно: предпринять попытку успокоить добрую даму и заверить ее в чистоте и обдуманности своих планов, действуя и лаской, и уговорами, и доводами рассудка. А потому девушка немедленно поцеловала тетушку, уселась рядом с ней, взяла за руку и заглянула ей в глаза:

– Тетушка, у вас встревоженный вид! Надеюсь, не случилось ничего серьезного?

– Ну как же, дорогая! Все очень серьезно! Все, что касается тебя, представляется мне очень серьезным.

– Касается меня? – широко раскрытые глаза и удивленный тон Стивен могли служить образцом успешного лицемерия.

– Да-да, Стивен. О, мое дорогое дитя, что такое я слышу? Ты действительно собралась идти в суд вместе с отцом?

– Ах, вы об этом! Тетушка, милая, не стоит беспокоиться. Все в порядке. Это совершенно необходимо!

– Необходимо? – дама возмущенно выпрямилась, в голосе ее зазвенел металл. – Молодой леди необходимо идти на заседание суда. Слушать, как простолюдины обсуждают низкие преступные деяния. Слушать шокирующие подробности скверных дел, исполненных аморальности и порока. Узнавать о жизни низших классов. Помилуй, Стивен! – она попыталась решительно высвободить руку, но Стивен удержала ее.

– Все так и есть, тетушка, – самым кротким тоном ответила девушка. – Я настолько невежественна, я должна больше знать о жизни простых людей.

Мисс Летиция перебила ее:

– Невежественна! Конечно, ты не знаешь о жизни. Так и должно быть. Разве мы не заботимся с самого твоего рождения, чтобы тебя не терзали тревоги и беды? Перечитай третью главу Книги Бытия и вспомни, что последовало от поедания плода с дерева познания.

– Насколько понимаю, речь шла об апельсине, – безмятежно заявила Стивен.

Мисс Летиция растерянно уставилась на нее.

– Почему?

– Потому что со времен Эдема невесты украшают себя апельсиновым цветом!

Выражение лица и интонация девушки были настолько невинными, что мисс Летиция взглянула на нее с подозрением. Впрочем, тут же смягчилась:

– Хммм... – только и пробормотала она, а потом надолго замолчала.

Стивен воспользовалась паузой и вернулась к теме разговора.

– Тетушка, дорогая, вы должны простить меня! Действительно должны, иначе я ужасно расстроюсь. Уверяю вас, я поступаю так не ради собственного удовольствия. Я все очень хорошо обдумала. Папа всегда хотел, чтобы я набиралась знаний и опыта, чтобы смогла управлять Норманстендом, если мне придется унаследовать его. С самого детства он повторял мне это. Конечно, сперва я не понимала, что означают его слова, но в последние годы я часто думаю об этом. Кажется, я немного начала понимать. Но в таком случае мне придется узнать о многом, иначе я не справлюсь без его помощи. Я изучила карту поместья, проштудировала все конторские книги, узнала очень много о правилах аренды и прочих подобных вещах, с которыми имеет дело каждый владелец имения. Но все это – лишь скелет, общая схема. Мне надо знать больше о людях. Поэтому мне нужно посещать их дома, разговаривать с работниками и арендаторами, находить с ними общий язык. Они должны знать меня и доверять мне. Милая тетушка, я скоро научусь... научусь всему, чтобы не делать ошибок. Мое положение обязывает меня к этому. Вот почему мне нужно больше узнать о самых обыденных делах, даже о темной стороне жизни. Я хочу все делать правильно. Я вижу, как много трудится папочка, чтобы помогать людям, я хочу поддерживать его во всем. Именно поэтому я должна все знать.

Мисс Летиция Роули слушала ее со все возрастающим интересом и уважением, она оценила откровенность девушки и основательность ее рассуждений. Когда же тетушка заговорила, голос ее заметно смягчился:

– Дорогая, нет нужды идти в суд, чтобы узнать обо всем этом. Ведь об итогах каждого дела можно узнать потом.

– Это правда, тетушка, – быстро ответила Стивен. – Судья и заседатели должны выслушать обе стороны в каждом деле, прежде чем принять решение. И я тоже хочу услышать обе стороны! Если человек виновен, я хочу знать о причине его вины. Если невиновен, я хочу знать обстоятельства, которые заставили невинного выглядеть подозрительно. В своей повседневной жизни мне тоже придется судить о поступках и намерениях людей, а я хочу, чтобы мои суждения были справедливыми!

В комнате вновь повисла пауза, на память Стивен пришел разговор с Гарольдом на церковном дворе и слова о том, что женщинам трудно быть справедливыми. Мисс Роули тоже задумалась. Она видела, что в целом девушка права, однако детали смущали ее. Наконец мисс Летиция сосредоточилась на том, что составляло для нее твердую почву для рассуждений и подобрала возражение:

– Милая Стивен, но во многих судебных делах речь идет об отвратительных и даже болезненных ситуациях!

– Тем более я должна об этом знать, если отвратительные причины становятся причиной человеческой трагедии.

– Но есть и то, что неуместно слушать женщине, когда речь идет о грехе...

– Что вы имеете в виду? Какого рода грех?

На этот раз пожилая дама была шокирована. Не самим фактом наличия греха – она провела слишком много лет гувернанткой в больших домах, чтобы сохранить наивное неведение о мрачных аспектах жизни, – а тем, что ей приходится говорить на подобные темы с молодой девушкой, которую она искренне любит.

– Грех, дорогая моя... женщины дурного поведения... когда женщина... ну, я имею в виду материнство вне брака!

Натура Стивен вскипела от негодования.

– Тетушка! Но ваши слова напрямую указывают на то, что мне надо больше знать о жизни!

– Как это? – всполошилась добрая дама.

Стивен ласково сжала ее руку и умиротворяюще пояснила:

– Вы говорите о дурном поведении женщин, как будто о мужчине и речи нет. Как будто не следует обвинять и его, зачастую более виновного. Только бедных женщин! Дорогая тетушка, я хотела бы помогать таким несчастным женщинам. Не когда станет слишком поздно, но заранее! Но как я смогу помочь, если я ничего не знаю? Хорошие девушки об этом не расскажут, и хорошие женщины тоже! Вот вы сами, тетушка, не хотите говорить на эту тему, даже со мной!

– Но, дитя мое, это не подобает незамужней женщине. Я и сама разговариваю на такие темы лишь с почтенными пожилыми дамами.

Стивен отреагировала мгновенно, точно отрезала:

– Но вы ведь не замужем! Тетушка, дорогая, я не хочу вас обидеть, не хочу сказать ничего дурного или огорчить вас. Я знаю, какая вы добрая и хорошая. Но, честное слово, вы ограничиваете себя, смотрите лишь с одной стороны!

Мисс Роули решительно прервала ее:

– Что ты имеешь в виду? Что это за одна сторона? Какая еще сторона?

– Сторона обвинения. А я хочу знать причины, которые привели к дурному поступку. Ведь в жизни девушки был какой-то перекресток, когда она могла пойти в ином направлении, избежать беды. Я хотела бы оказаться там с указателем, предупреждающим об опасности, протянуть руку помощи. Ах, тетушка, тетушка, как же вы не видите, что у меня на сердце?! Все это наши люди, папочка говорит, что они со временем будут моими людьми, и я хочу, чтобы их жизнь шла правильно, я хочу понимать их нужды, искушения, слабости. Доброе и дурное. Я должна все знать! Иначе я окажусь в темноте и могу причинить вред, стараясь быть полезной.

Вид у Стивен был воодушевленный. Осеннее послеполуденное солнце щедро изливало свет через большое окно, озаряя девушку сиянием. Легкое белое платье светилось в лучах, придавая ей эфемерный облик. Золотисто-рыжие волосы казались короной славы, а темные глаза были в этот момент особенно прекрасны.

Сердце любящей немолодой дамы растаяло, ее переполняла гордость за воспитанницу. И она не удержалась:

– Ты благородное и прекрасное создание! Конечно, ты права, ты следуешь праведным путем! – слезы выступили на глазах мисс Летиции, а потом потекли по ее морщинистым щекам. Она обняла и нежно поцеловала девушку, а потом мягко и осторожно дала совет, естественным образом последовавший за этим порывом: – Стивен, милая моя, будь осторожна! Знание – обоюдоострое оружие, оно может подтолкнуть тебя к излишней гордости.

Не забывай о последнем искушении, с которым Змий обратился к Еве: глаза ваши откроются, и станете вы как боги, познав добро и зло.

– Я буду очень осторожна, – торжественно заверила ее Стивен, а потом добавила, словно ей только в голову пришло: – Конечно, вы понимаете, что главный мой мотив – желание приобрести знания?

– Да? – скорее спросила, чем согласилась тетушка.

– Не думаете ли вы, что Ева жаждала не столько знаний, сколько удовлетворения заурядного любопытства?

– Возможно, и так, – кивнула пожилая дама и с сомнением в голосе продолжила: – Но, дорогая моя, кто скажет нам, где пролегает граница между этими двумя побуждениями? Все мы склонны обманываться. Чем больше мы знаем, тем лучше мы обманываем других, а чем лучше мы обманываем других, тем лучше получается у нас обманывать самих себя. Как я уже сказала, дитя мое, знание – обоюдоострое оружие, и обращаться с ним надо крайне бережно!

– Согласна! – сказала Стивен задумчиво.

И когда тетушка уже ушла, она еще долго сидела, погруженная в свои мысли.

Мисс Роули вновь решила попробовать удержать Стивен от радикальных начинаний некоторое время спустя. Это случилось, когда девушка собралась посетить Университетскую миссию в лондонском Ист-Энде. После ее визита в Оксфорд подруга матери не раз писала ей, и когда дама-профессор отправилась провести часть каникул в Миссии, Стивен решила присоединиться к ней на несколько дней и узнать больше о ее работе. Она написала, что хотела бы приехать, и получила сердечный ответ с приглашением. С этим письмом Стивен поспешила к отцу, и он немедленно дал согласие на ее познавательное путешествие. Он с гордостью и удовлетворением следил за развитием ее характера, за тем, как выросла и умнела дочь, какой деятельной она становилась. Она все больше и больше приближалась к его идеалу. Не теряя женственности и очарования, Стивен по-мужски смотрела на мир и проявляла решительность, не свойственную большинству ее сверстниц.

Вернулась она очень серьезной и взволнованной. Не то чтобы Стивен совсем утратила прежнее легкомыслие и переменчивость настроений, однако теперь она обдумывала проблемы, о которых прежде и понятия не имела. Например, положение бедняков. Перемены в ней сразу заметил Гарольд, прибывший на очередные каникулы. Наблюдая за ее участием в разрешении одного из дел в поместье, он прокомментировал:

– Стивен, а ты учишься быть справедливой!

Это замечание задело ее, заставило внутренне сжаться, но девушка промолчала. Позднее, обдумывая ситуацию, она испытала искреннее удовольствие, вспомнив его слова. Она могла разделять мужской образ мыслей и решать проблемы. Это вдохновило ее учиться и работать все больше и больше, проявляя понимание и интерес к тому, что выходило за рамки ее собственных привычек и радостей.

Из всего окружения Стивен никто так не разбирался в происходивших переменах, как мисс Летиция Роули. Пожилая дама присматривалась к тому, как ведет себя девушка, прислушивалась к ее словам, порой пыталась изменить русло ее мыслей, сдержать напор кипучей молодой энергии. Ей хотелось, чтобы образование Стивен, в котором она всегда принимала живое участие, шло и дальше в правильную сторону. Однако воспитательница наталкивалась на то, что Стивен почти всегда на голову опережала ее и на любой довод могла дать скорый и уверенный ответ, защищая свою позицию. Как-то раз зашел разговор о равенстве прав мужчин и женщин, и мисс Летиции показалось, что корабль ее подопечной стремительно несется на опасные скалы. По мнению почтенной дамы, Стивен проявляла излишнюю категоричность в оценке положения замужних женщин, и мисс Летиция заметила:

– А что, если женщине не представилась возможность выйти замуж?

Стивен задумалась лишь на мгновение, а потом выпалила:

– Если не было такой возможности, значит, в этом вина самой женщины!

Пожилая дама улыбнулась и покачала головой:

– Ее вина? Дорогая моя, а что, если ни один мужчина так и не сделал ей предложение?

– Именно в этом и есть ее вина! Почему она сама никому не предложила вступить с ней в брак?

От изумления дама выронила монокль. А Стивен лишь передернула плечиками и продолжила:

– Ну, конечно! Почему она не может этого сделать? Брак – это союз двух людей. Таков он в глазах закона. В таком случае каждая из сторон вправе проявить инициативу. Если женщина не способна обдумать выбор партнера, как сможет она понять, что поступает правильно, вступая в союз на всю жизнь? А если она в теории способна все обдумать и принять самостоятельное решение, почему лишена свободы проявить инициативу и вынуждена ждать, пока выберут ее?

Пожилая дама только ахнула и в волнении сжала руки, она была просто в ужасе от подобного заявления. Даже осмелиться думать такое – настоящая дерзость, а высказать подобные идеи вслух...

– О, дорогая моя! – простонала мисс Летиция. – Осторожнее! Думай, что ты говоришь! Некоторые могут понять тебя превратно или вовсе не понять! Хорошо, что я знаю – ты рассуждаешь чисто теоретически.

Стивен внимательно посмотрела на тетюшку. Та была искренне перепугана и расстроена, а девушка, как обычно, не желала огорчать наставницу. После секундного раздумья она положила ладонь на руку дамы и умиротворяюще произнесла:

– Ну конечно, милая тетюшка, это все теория. Но уж если рассуждать теоретически, я готова постоять за свою логику. – Внезапно ее поразила новая мысль, так что Стивен торопливо добавила: – А вы... сколько предложений получали вы, тетюшка?

Пожилая дама улыбнулась. Такой разговор выглядел гораздо более уместным и человечески понятным. Кроме того, он навевал довольно приятные воспоминания.

– Несколько, дорогая моя. Но все это было так давно, я уже забыла.

– Ой, ну конечно же, вы все помните, тетюшка! Ни одна женщина такое не забудет, даже если многое другое сотрется из памяти! Расскажите!

Тетюшка слегка порозовела от смущения и удовольствия и ответила:

– Нет нужды вдаваться в подробности, дорогая. Скажем так: пальцев на одной руке тебе не хватит, чтобы пересчитать мои предложения!

– А почему вы отказали? – тон был вкрадчивый и ласковый, как раз самый подходящий для разговора юной девушки с женщиной намного старше ее.

– Просто я не любила их.

– Но разве не было в вашей жизни человека, которого вы любили, тетюшка?

– Ах, дорогая! Это совсем другое дело. Вот где настоящая трагедия в жизни женщины, – поток воспоминаний нахлынул на нее, и мисс Летиции отказала обычная сдержанность, голос ее задрожал, когда она сказала: – Любить, причем безнадежно! Ждать, ждать и снова ждать, в то время как сердце горит в огне! Надеяться, несмотря ни на что, пока время пролетает и оставляет тебя наедине с безнадежностью. Знать, что одно только слово может открыть перед тобой небеса, но оставаться немой. Опускать глаза, чтобы их сияние не выдало тебя, следить за тоном своего голоса. И видеть, как все твои мечты и надежды рассыпаются в прах, а счастье уходит... к другой!

Стивен порывисто обняла и поцеловала ее, а потом воскликнула:

– Я понимаю! Но разве справедливо, что происходят такие драмы, тетушка? Может быть, не стоило опускать глаза? Не надо было следить за интонацией? Почему надо оставаться немой, когда единственное слово может изменить твою судьбу? Что-то неправильно в обществе, тетушка, если оно вынуждает вести себя настолько абсурдно! И ведь такое может случаться часто!

С юношеской горячностью Стивен вскочила с места во время этого монолога, глаза ее пылали праведным гневом. Едва переводя дыхание, она продолжила:

– Когда-нибудь женщины обретут свою силу, научатся преодолевать слабости и найдут собственное место в жизни! С колыбели их учат правилам, которые сковывают и лишают инициативы и свободы. Но они непременно поймут, в чем кроется их сила. Они станут самими собой. В университете я много узнала о роли женщин в мире, и это буквально разбивает мне сердце. Но уже здесь, в повседневной жизни, я обрела другой, и даже полезный, урок.

Мисс Летиция Роули воспользовалась краткой паузой и настороженно спросила:

– И какой именно урок ты получила, милая моя Стивен?

Девушка обернулась к ней разгоряченным лицом, сверкнула глазами и ответила:

– Дурные женщины лучше знают мужчин, умеют оказывать влияние на них. Такая женщина умеет сделать так, чтобы мужчина приходил и уходил по ее желанию. Они буквально крутят мужчин вокруг своего пальца. И они никогда не сомневаются, стоит ли высказывать свои желания, просить то, что им нужно. В их жизни меньше трагедий. Они научились справляться с испытаниями и трудностями, не теряя власти над собственной жизнью. Почему же хорошие женщины сами от этой власти отказываются? Почему настолько скованы условностями и страхом? Почему так цепляются за фетиши общественных приличий, жертвуя ради них вкусом и ароматом жизни, упуская прекрасные возможности? Почему сердца их разбиваются в тщетных муках любви? Придет время, когда женщины станут непринужденно говорить с мужчинами, держаться на равных. Если женщина станет равным партнером, другом мужчины, близким человеком, а не просто украшением, разве утратит она возможность быть матерью? Напротив, она гораздо больше даст своим детям. Не бойтесь, тетушка, я ведь вижу – вы смотрите на меня сейчас с ужасом! Я сказала слишком много, но, в конце концов, все это лишь теория. Утешьтесь, милая тетушка, тем, что я свободна, и сердце мое цело и невредимо. За меня не надо опасаться. Да, я молода, возможно, даже слишком молода, чтобы размышлять о подобных предметах. Но я не могу не думать о них.

Внезапно она остановилась, подхватила пожилую даму под руку, расцеловала в щеки и крепко обняла. А потом так же резко разжала объятия и убежала, не добавив больше ни слова.

## Глава VIII. Пролетка

Когда Гарольд закончил университет, сквайр Норманн и Стивен приехали к нему в Кембридж на торжественную церемонию. Девушка наслаждалась поездкой: все складывалось просто превосходно. По возвращении в Норманстенд сквайр пригласил Гарольда к себе в кабинет, чтобы поговорить с ним о том, что представлялось ему, как старшему другу, весьма важным. А именно – о чрезмерной скромности молодого человека.

– Гарольд, я думаю, пришло время тебе стать хозяином своей судьбы. Я очень доволен твоими успехами в колледже. Полагаю, твой покойный отец сегодня мог бы тобой гордиться.

Сквайр помедлил, подбирая слова, и Гарольд отозвался:

– Я очень старался, сэр, поступать так, чтобы отец мог бы меня одобрить, если бы увидел. И ваше мнение всегда было для меня очень важным.

– Я знаю, мальчик мой, – улыбнулся сквайр. – Я хорошо знаю это. Надо признаться, меня всегда радуют не только твои успехи, но и то, как ты находишь объяснения для них. Ты отлично показал себя в учебе, заслужил репутацию отличного спортсмена – и это тоже порадовало бы твоего отца. Полагаю, ты теперь будешь искать профессию по душе. Я готов поддержать тебя в любых начинаниях, но, честно говоря, был бы счастлив, если бы ты остался здесь. Мой дом – твой дом, и так будет всегда, до конца моих дней. Но я не хочу, чтобы ты чувствовал себя обязанным или зависимым. Оставайся здесь, если того хочешь, но только если есть желание. На этот случай я приготовил для тебя поместье в Кемпе, его подарил мне мой отец, когда я достиг твоего нынешнего возраста. Оно невелико, но позволит тебе почувствовать себя самостоятельным человеком, и доход оно приносит неплохой. Я хотел бы благословить тебя, мальчик мой. Прими его, как дар от меня и от твоего отца!

Гарольд был глубоко тронут не только самой щедростью, но и тем, как ему преподнесли подарок. У него выступили слезы, юноша от души пожал руку сквайра, а когда заговорил, голос его предательски дрогнул:

– Надеюсь, ваша доброта ко мне, сэр, заслужена искренней любовью и дружбой моего отца, который необычайно высоко ценил вас. Мне трудно подобрать слова, чтобы выразить все чувства, которые я испытываю, но я постараюсь со временем доказать вам свою преданность поступками.

Итак, Гарольд остался в Норманстенде. Дом в Кемпе представлял собой очаровательный коттедж, при котором было двое постоянных слуг. Юноша то и дело задерживался в новом жилье на несколько дней, все больше привыкая к нему и осваиваясь в роли хозяина. За пару месяцев все привыкли к положению вещей, и жизнь в Норманстенде сильно напоминала ту, что была там до отъезда Гарольда в колледж. Только теперь он был не мальчиком, а мужчиной. В остальном все было по-прежнему. Впрочем, и Стивен становилась молодой женщиной, хотя окружающие и продолжали обращаться с ней, как с ребенком. Ее взросление как будто не имело значения для мужчин, проживавших с ней под одной крышей. А миссис Джерролд, которая могла бы заметить серьезные перемены в своей воспитаннице, умерла незадолго до возвращения Гарольда из университета.

Когда подошел очередной день ежеквартального заседания магистратов графства Норчестер, сквайр Роули по традиции заехал за соседом, сквайром Норманном. Так повелось с давних пор. Оба любили поболтать перед заседанием и потом, по дороге домой, о всякой всячине. Утро было прекрасным, и когда пролетка Роули показалась на подъездной аллее, Стивен поспешила на лестницу, чтобы встретить гостя. Рука у Роули была твердая, и лошади отлично его слушались, так что экипаж легко и стремительно приближался. Сквайр Норманн был уже готов. Он поцеловал Стивен и забрался в пролетку – довольно высокую, так

что отяжелевшему с возрастом мужчине пришлось постараться. Оба сквайра приподняли шляпы на прощание и тронулись в путь. Стивен с улыбкой смотрела им вслед: ясное небо предвещало превосходный день, все были веселы и счастливы. В это утро девушка с особой остротой ощущала полноту жизни – впереди был длинный день, и ее ждало только хорошее.

Некоторое время спустя, в то же утро, Гарольду надо было ехать в Норчестер, так что Стивен предстояло провести день в одиночестве, посвятив его улаживанию разных неоконченных личных дел. Планировалось, что к вечеру все соберутся за ужином, а Роули останется на ночлег в Норманстенде.

Гарольд покинул клуб в Норчестере так, что у него оставалось с лихвой времени, чтобы верхом вернуться к ужину. Проезжая мимо здания магистрата, он остановился, чтобы узнать, уехал ли уже сквайр Норманн. Оказалось, что оба сквайра в пролетке Роули покинули город совсем недавно. Гарольд скакал довольно быстро, полагая, что сможет нагнать экипаж и дальше сопровождать его до дома. Но кони у соседа и впрямь были резвые – юноша заметил пролетку впереди на дороге лишь с холма Норт, в пяти милях от Норчестера. Стало ясно, что нагнать экипаж на достаточном расстоянии от дома ему не удастся, и он решил сбросить темп и дать отдохнуть своей лошади.

В районе деревни Бреклин проезжая дорога резко поворачивала вправо и дальше шла некоторое время в тени могучих дубов. Затем дорога снова забирала влево и выворачивала на Норлин-Парва, откуда шел прямой участок длиной в несколько миль, завершавшийся крутым спуском с холма, который местные жители называли «притормози-разобьешься». После него от основной дороги отделялась боковая – она огибала следующий холм и напрямую вела в Норманстенд.

Свернув под сень дубравы, Гарольд заметил впереди запоздалых дорожных рабочих и группу зевак из числа местных крестьян, столпившихся на некотором расстоянии. Один из них явно узнал Гарольда и попросил его остановиться.

– Что там? – поинтересовался юноша, придерживая коня.

– Да там сквайр Роули – ну и кони у него! Тройка, и мчатся, как ветер. Сквайр, он человек опытный и вожжи держит крепко, но кони-то понесли, прямо обезумели! Первак, видать, испугался чего – может, груды камней у дороги, кто ж его разберет. А другие две так за ним и рванули.

Не говоря ни слова, Гарольд пришпорил коня и поспешил вперед. Почувствовав напряжение седока, животное помчалось стрелой. Гарольд не был слишком сильно встревожен, надеясь на то, что вскоре возница справится с конями, но все же хотел убедиться, что все в порядке. Три горячих коня и легкий экипаж – не самое удачное сочетание, особенно на извилистом участке дороги. Никогда еще юноша так не спешил к Норлин-Парва. Вот показался следующий поворот, кто-то бежал... Нет, там явно что-то случилось! Юноша похолодел: если кони не успокоились до поворота, достаточно одного камня, чтобы пролетка перевернулась – и тогда они потащат ее за собой, разбивая в щепки...

Бледный как смерть, с безумно бьющимся сердцем, Гарольд летел вперед.

Увы, худшие опасения подтвердились! В стороне от дороги, на внутренней стороне петли, лежала разлетевшаяся в куски пролетка. Лошади вставали на дыбы, бились в пене, рвались в разные стороны, обезумев от страха. Каждую с трудом удерживало несколько человек.

А на траве у дороги лежали две фигуры – явно там, где их выбросило из опрокинувшегося экипажа. Роули, естественно, пролетел дальше, его голова разбилась о столб, отмечавший очередную милю, а тело скатилось в придорожную канаву. Даже с расстояния было заметно, что шея его сломана – голова была под неестественным углом к телу, а конечности обмякли и разметались.

Сквайр Норманн лежал на спине, совсем прямо. Кто-то приподнял его, а потом опустил снова, осторожно расправил руки вдоль тела. Вид у сквайра Норманна был не столь прискорбный, как у его соседа, он был еще жив, но хриплое, прерывистое дыхание, кровь, вытекавшая из ноздрей, ушей и рта, оставляли слишком мало надежды на спасение. Гарольд спешил и опустился на колени, осмотрел несчастного. Столпившиеся вокруг люди прекрасно знали обоих, так что не лезли с расспросами. Юноша бережно ощупал ребра и конечности сквайра – кажется, кости не были сломаны.

Как раз в этот момент подросла двуколка местного доктора. Он тоже встал на колени рядом с пострадавшим, едва бросив взгляд на погибшего Роули, сосредоточился на том, кто был жив. Он быстро осмотрел сквайра Норманна и сокрушенно покачал головой. Гарольд едва подавил стон и спросил:

– Совсем плохо? Успеем послать за его дочерью?

– Сколько потребуется времени?

– Наверное, около получаса, она поспешит.

– Тогда посылайте за ней прямо сейчас.

– Я сам поеду! – заверил Гарольд и взялся за поводья.

– Нет-нет! – остановил его доктор. – Пусть едет кто-нибудь другой, а вы останьтесь здесь. Он может прийти в сознание перед кончиной, лучше, если рядом окажется хотя бы один близкий ему человек.

У Гарольда от этих слов загудело в голове: «перед кончиной». Боже! Бедная Стивен! Но времени горевать не было, надо было прогнать все лишние мысли и действовать. Для горя еще придет пора. Теперь нужна холодная голова и собранность. Он подозвал одного из молодых парней, которого знал лично, и объяснил ему:

– Садись на моего коня и скачи во весь опор в Норманстенд. Немедленно вызывай мисс Норманн, она должна спешить сюда. Скажи, что произошел несчастный случай, что ее отец жив, но сильно пострадал, и она не должна медлить ни минуты. Пусть берет моего коня, он уже под седлом, не надо тратить время на подготовку другого. По этим словам она поймет, насколько все серьезно. Поторопись!

Парень молча кивнул, моментально прыгнул в седло и умчался как молния. Пока Гарольд говорил с ним, доктор отдавал распоряжения другим крестьянам, которые не раз сталкивались с несчастными случаями на охоте. По его приказу они ловко и споро соорудили носилки из придорожной ограды и переложили на них сквайра. Осторожно несколько мужчин перенесли его к воротам деревни. Ближайший дом находился всего в сотне ярдов, к нему они и направились. Там раненого уложили в кровать, раздели, и доктор приступил к подробному осмотру. Закончив, он с мрачным видом обратился к Гарольду:

– Боюсь, она опоздает. Кровотечение из ушей свидетельствует о повреждении мозга. Оно ослабляет внутреннее давление, так что перед смертью он может прийти в сознание. Оставайтесь рядом. Ничего другого мы для него сделать не способны. Если он очнется, это будет внезапно и совсем ненадолго. Потом наступит конец.

В этот момент сквайр Норманн открыл глаза и взглянул на стоявших перед ним мужчин, затем обвел взглядом комнату:

– Где я, Гарольд?

– Это дом Мартина, Джеймса Мартина, сэра. Вас принесли сюда после аварии на дороге.

– Да, я помню! Я сильно пострадал? Ничего не чувствую.

– Боюсь, что сильно, сэра. Я послал за Стивеном.

– Послал за Стивеном... Стало быть, я умираю? – голос его был слаб, но интонация спокойная и уверенная.

– Увы! – Гарольд опустился на колени и обнял того, кто стал для него вторым отцом.

– Конец близок?

– Да.

– Тогда послушай. Если я не увижу Стивен, передай ей мое благословение, скажи, что я очень люблю ее. Скажи: последнее, о чем я молился в этой жизни, это ее счастье! Передашь ей мои слова?

– Непременно! – Гарольду стоило огромного труда выговорить это, эмоции душили его, горло мучительно сжалось.

Сквайр с трудом вздохнул и добавил медленно и тихо:

– И, Гарольд, мальчик мой, присматривай за ней, ладно? Охраняй ее, помогай ей во всем, словно ты мой настоящий сын, а она твоя сестра!

– Я все сделаю, помоги мне Господь!

Несколько секунд прошло в молчании, и пауза эта показалась юноше бесконечно долгой. Затем сквайр Норманн вновь собрался с силами и произнес:

– Гарольд, наклонись, я должен сказать тебе кое-что совсем тихо. Если однажды, со временем, вы со Стивен обнаружите, что между вами возникла привязанность иного рода, запомни – я бы благословил вас без колебаний. Но не торопи ее! Я полностью доверяю тебе! Она очень молода, перед ней весь мир. Пусть она сама выбирает свой путь... храни ей верность как друг и как брат, если она предпочтет тебе другого. Возможно, тебе придется нелегко, но я доверяю тебе, Гарольд. Благослови тебя Бог, сын мой!

Сквайр чуть приподнялся и прислушался. Сердце Гарольда билось неровно, словно проваливаясь время от времени в глубокие ямы. Он тоже вслушался – стук копыт на дороге, лошадь идет галопом... Умиравший отец улыбнулся:

– Она здесь! Моя храбрая девочка! Бог даровал нам возможность увидеться в последний раз. Я знаю, как много это будет значить для нее потом!

Лошадь резко остановилась – это было отчетливо слышно. Затем раздался звук торопливых шагов, и Стивен в домашнем платье буквально ворвалась в комнату. С грацией леопарда, совершающего головокружительный прыжок, она метнулась к кровати отца и опустилась на колени, в следующую секунду обхватив его руками. Умиравший подал знак Гарольду, чтобы тот помог ему приподняться и присесть. Когда это было сделано, он нежно положил руку на голову дочери и сказал:

– Теперь пусть Господь примет мою душу с миром. Благослови и храни тебя Бог, дорогое мое дитя! всю жизнь ты была для меня счастьем и отрадой! Когда я встречу твою мать там, за порогом, я расскажу ей, как ты прекрасна. Гарольд, будь добр к моей девочке. Прощай, Стивен... Маргарет...

И с этими двумя именами он прервал речь, голова сквайра опрокинулась назад, Гарольд осторожно опустил его тело и встал на колени рядом со Стивен. Потом обнял ее за плечи, и девушка уткнулась лбом в его плечо и застонала так, словно ее сердце было разбито вдребзги.

Тела двух сквайров отвезли в Норманстенд. Когда-то давно Роули говорил, что – если ему доведется умереть неженатым – он хотел бы покоиться со своей сводной сестрой. Стивен вспомнила эти слова. Теперь она становилась сквайром Норвуда, наверное, и когда-нибудь ей предстоит разделить последний приют с родными в тесном склепе местной церкви. В этот момент мысль не казалась девушке ужасной.

Когда трагические вести долетели до мисс Летиции Роули, она немедленно отправилась в Норманстенд. Ее прибытие принесло Стивен некоторое утешение. После первого шока девушка погрузилась в глухое, молчаливое отчаяние. Безусловно, близость Гарольда служила немалой опорой, и она осознала это и испытывала благодарность, но он сам и его поддержка казались настолько естественными, что не требовали оценки или рефлексии. Это же Гарольд! Он всегда был здесь, и всегда будет. А вот приезд тетушки Летиции привнес

новую ноту. И с этого момента мисс Роули перебралась в Норманстенд. Стивен в ней очень нуждалась, а пожилая дама не могла оставить в беде свою любимую девочку.

После похорон Гарольд проявил традиционную для него деликатность и переехал в собственный дом, однако ежедневно навещал Стивен в Норманстенде. Девушка так давно привыкла советоваться с ним по любому поводу, что, казалось, в отношениях их ничего не изменилось. Дела шли чередой – рутинные, знакомые обоим, трагедия мало повлияла на общий уклад жизни имения. Лишь временами горе накатывало на Стивен удушающей волной, однако она старалась, чтобы близкие не видели ее отчаяния. Она полагала своим долгом беречь их от лишних переживаний и пыталась справиться с утратой мужественно и по-взрослому.

А вот обязанности Стивен в отношении соседей стали для нее настоящей страстью, захватывающей и спасающей от уединения и горьких мыслей. Она интуитивно чувствовала самую суть дел, которые приходилось разбирать в качестве владелицы поместья, а затем находила верные средства для решения проблем. Неожиданно для окружающих она оказалась толковой и деятельной хозяйкой.

Добрая тетушка во всем ее поддерживала и одобряла. Она видела, что Стивен следует своему решению: оставаясь женщиной, управлять делами по-мужски, стать свободным и сильным человеком. Пожилая дама лелеяла надежду, что это поможет девушке преодолеть трудный период, а потом жизнь возьмет свое и теории забудутся, уступив место реальности.

Впрочем, не было никаких признаков, что теории Стивен теряют актуальность. Они питали ее повседневную деятельность, придавали сил, служили компасом в принятии решений. И тетушке, чьи годы прошли в другую эпоху, не было дано угадать, что новые теории лишь расцветают и укореняются.

## Глава IX. Весной

Прошел год со смерти отца, и за все эти месяцы Стивен постепенно понимала, насколько одинока без него. Рядом с ней была только тетушка. Несмотря на всю их со Стивен взаимную любовь, их взгляды на жизнь, интересы и потребности слишком сильно различались. Мисс Роули жила прошлым. Стивен была обращена в будущее. И одиночество свило надежное гнездо в сердце девушки.

В прежние дни Гарольд всегда составлял ей компанию, с ним было увлекательно, они могли говорить обо всем на свете, и Стивен никогда не задумывалась, что уместно, а что нет. Теперь даже его желание помочь в делах – а юноша исправно выполнял обещание заботиться о Стивен, данное умирающему сквайру, – причиняло ей боль. Что-то разладилось между ними, исчезла бывшая легкость. Гарольд тоже чувствовал это, но страдал молча, проявляя свое неизменное самообладание. Он любил Стивен всеми фибрами души. День за днем он приезжал и пытался приблизиться к ней, но она оставалась замкнутой и отстраненной. Ночи напролет он терзался мыслями о том, как смягчить ее сердце. Все чаще он мечтал о ее поцелуях и о том, случится ли ему когда-нибудь почувствовать их наяву... С наступлением дня юноша вновь брал себя в руки и прибывал в Норманстенд с видом спокойным и непринужденным. Словно глубина его мучений придавала дополнительные силы для самоконтроля. Он сам поставил перед собой задачу сдерживать чувства и героически с ней справлялся. И руководствовался он единственным желанием: предоставить Стивен самой выбрать себе партнера на всю жизнь. В этом и таилась его слабость – в непонимании женской природы, отсутствии опыта. Если бы ему довелось уже пережить любовную историю, он вряд ли бы оставался таким ненавязчивым и смиренным, он бы знал, как важно проявить решительность, продемонстрировать свои чувства. Но он лишь вздыхал, мечтал, надеялся и молчал. Стивен замечала его скованность и немногословность и объясняла их холодностью, а поскольку привыкла считать его братом, в глубине души переживала разочарование. В ней самой созревали иные эмоции и страсти, инстинкты требовали новых впечатлений, закипали молодые страсти, а жизнь вокруг тянулась неспешной чередой дней, и единственный близкий мужчина хранил невозмутимость. Ее сердце требовало напряжения чувств, ярких событий, волнений, флирта, головокружения, а Гарольд, к которому, в общем-то, лежала ее душа, совершенно не замечал этого.

Итак, Стивен, смутно ощущавшая, как созревают в ней женские желания, не осознавала их характер и не задумывалась о том, к чему все это ведет. Она была бы удивлена, даже возмущена тем, что логика, на которую она так уверенно полагалась, не всегда срабатывает в личных делах. Логика благополучно действовала в интеллектуальной работе, в управлении повседневными заботами. И Стивен возвела ее в идеал, превратив в главное определение Человека. Именно этот образ стал для нее центром исканий и трудов. Стать не женщиной – и, само собой, не мужчиной, что невозможно, – а Человеком. Не просто живым существом, а личностью в полном смысле слова. Дальше мысли Стивен пока не шли. И даже в случайных размышлениях, на краю сознания, она никогда не задавалась вопросом о том, какую роль в ее жизни может играть муж. Каковы должны быть его качества, обязанности? Что изменится для нее самой в случае замужества? В общих чертах Стивен знала, что когда-то надо будет выйти замуж, рядом с ней появится партнер – вероятно, молодой... Конечно, они будут любить друг друга. На этом туманном утверждении ее фантазия останавливалась.

Единственный знакомый ей посторонний юноша в это время находился далеко от Норманстенда. Леонард Эверард недавно закончил университетский колледж и поселился в Лондоне, часто посещал континент. Само его долгое отсутствие придавало Леонарду таинственность и привлекательность в глазах Стивен. В ее памяти он остался как элегантный,

стильный, властный, мужественный, выгодно выделяющийся на фоне остальной летней компании – не слишком большой, но другой Стивен просто не знала. «Разлука волнует сердца». Стивен едва успела увлечься им за время коротких встреч, но семья было брошено. Красивый и самолюбивый мальчик на ее глазах повзрослел и стал эффектным молодым человеком, жизнь которого протекала в каких-то далеких, неведомых ей краях... Другие товарищи Гарольда и соседи были ей отлично известны. В них заметны были слабости и достоинства, доброе и неприятное. Они не затрагивали глубоко ее чувств, оставаясь объектами для наблюдения, товарищами по играм и забавам, довольно случайными приятелями. Едва ли она часто вспоминала кого-то из них и вовсе не тратила на это много времени и энергии.

Идеи и образы прорастают в нашей душе сложными путями, они возникают, исчезают, чтобы объявиться на новом витке жизни в иной, новой форме. Представление о равенстве полов глубоко запало в душу Стивен. На протяжении долгого времени она вновь и вновь обдумывала эту мысль, но не говорила на эту тему с тетушкой – а та испытала облегчение и решила, что странные идеи давно выветрились из головы девушки. Стивен подросла и научилась сдержанности. Теперь она не спешила высказать любое соображение вслух. Но чем меньше важная мысль вырывалась наружу, тем глубже была внутренняя работа души и интеллекта, тем крепче укоренялась идея в голове и сердце Стивен. Теперь, когда проблема пола, сознательно или инстинктивно, заняла центральное место в размышлениях и чувствах Стивен, давние представления обрели серьезную аргументацию. Девушка утвердилась в том, что мужчины и женщины должны быть равны, а женщины должны получить в обществе те же права и возможности, которые есть у мужчин. Она верила, что абсурдные правила приличия и условности мешают развитию личности: все эти нелепости, вроде того, что предложение о браке может делать только мужчина, и прочие странные, осложняющие жизнь предписания возмущали ее.

И вот тут она увидела новый аспект проблемы! Возможности! Самая большая, горькая и беспощадная беда женщин – отсутствие равных возможностей. Стивен почувствовала, что может проверить свою теорию на практике, испытать свои силы. Они – «они», как некие безликие, абстрактные ее оппоненты, готовые возражать и осуждать, – еще увидят, что женщина способна действовать не хуже мужчины! И результаты ее будут отличными.

Значительная часть удовлетворения от этой мысли – возможно, самая опасная его часть – состояла в том, что она придавала Стивен решимости. Желание деятельности само по себе – колоссальная движущая сила. А в сочетании с молодой, горячей энергией оно обретает еще большую мощь. До сих пор желания Стивен в отношении Леонарда и ее чувства к нему были весьма неопределенными, но теоретические размышления, связанные с рассказами тетушки о том, что женщина не может быть инициатором отношений и должна молча страдать, подхлестывали фантазию. Впервые Стивен задумалась о том, что значит для нее прекрасный сосед. Мысль спровоцировала фантазии о возможном развитии отношений. Фантазии созревали, обогащались деталями и постепенно обрели весомость настоящих чувств.

Стивен все чаще думала о судьбе мисс Летиции. О том, что произошло в ее далекой юности. Романтическая влюбленность... неспособность высказать свои чувства... молчаливые страдания и в итоге разбитая жизнь, одиночество и личная драма. «Любить без надежды, ждать, ждать и молчать, когда сердце пылает в огне».

Стивен ценила заботу тетушки: хлопоты о ее здоровье, желание поддержать и утешить, нежное внимание. Но молодость эгоистична и легко приспособливается, молодость склонна действовать в своих интересах и всему находить оправдания. Довольно скоро Стивен научилась тому, как скрывать от тетушки некоторые мысли и чувства, избегать опасных тем, которые могли спровоцировать спор, расстроить или насторожить пожилую даму. Сработал защитный инстинкт, и Стивен, сама того не замечая, приобрела типично женское

свойство: уклончивость и умение уклоняться от нежелательного обсуждения. Если бы ей сказали, что так поступают те самые «слабые и зависимые» дамы, которых она в душе осуждала, Стивен была бы шокирована. Но угадать в ней это новое свойство и указать на него было попросту некому.

О да! Стивен превратилась в молодую женщину, обладающую всеми прелестями возраста и пола, соблазнительную и уверенную в себе, обладающую мягкими манерами и отличными инстинктами. И все это спонтанно и без специальной цели. Тут уже брала свое природа, а не логика. И в этой природе таилась главная ее сила и беспощадное оружие.

Когда девушка пришла к выводу, что влюблена в Леонарда, пару недель она обдумывала это открытие, не предпринимая никаких действий и ни с кем не обсуждая планов. Со стороны невозможно было заметить происходящую в ней душевную работу: так тихи бывают глубокие и мощные воды. На самом деле Стивен останавливал страх. Не опасение быть неправильно понятой, но девичий инстинкт неопытного в житейских делах существа, едва вступающего в реальную жизнь. Кто знает, из каких потаенных чувств и представлений он рождается? Как инстинкты управляют нами? Так или иначе, Стивен замерла в нерешительности, но испытывала сильнейшее волнение и потребность в действии.

## Глава X. Решение

В течение следующих нескольких дней Стивен была необычайно беспокойна. Она была решительно настроена проверить свою теорию о равенстве полов на практике и предложить Леонарду Эверарду жениться на ней, но трудность состояла в том, как это сделать. Она не хотела полагаться на случайную встречу. В конце концов, вопрос был слишком серьезным, чтобы пускаться на самотек. Порой она думала, что следует написать ему и признаться в нежных чувствах таким образом, однако каждый раз немедленно отвергала этот вариант. Однако затем ей стало казаться, что в нем есть свои преимущества. Отсутствие окончательного решения все больше выводило ее из себя, Стивен начала по-настоящему нервничать. Наконец однажды вечером она осталась наедине со своими мыслями. Мисс Летиция уехала в Норвуд, чтобы проверить, как идут дела в поместье, и намеревалась переночевать в своем прежнем доме. Стивен увидела в ее отъезде возможность сосредоточиться и обдумать практический план действий. Именно поэтому она в последний момент отказалась сопровождать тетушку, сославшись на головную боль. Мисс Летиция обеспокоилась и даже предложила перенести поездку, но все же, после заверений Стивен, что ей не грозит внезапная и неминуемая болезнь, уехала.

После ужина она устроилась за столиком в будуаре и взялась за сочинение письма Леонарду. Она решила высказать в нем не все сразу, а ограничиться признанием в чувствах. В глубине души она надеялась, что, получив письмо, Леонард не только откликнется на него, но и сделает сам следующий шаг. От этой фантазии сердце девушки начало учащенно биться. «Следующий шаг» – это звучало так маняще и в меру неопределенно. Она воображала, как он поспежит к ней со словами любви, расскажет о давно затаенной страсти, томившей его душу, а потом поведаст, как старался быть рядом с ней, всматривался в ее жесты и выражение лица, чтобы угадать, разделяет ли она его пылкие чувства. И тогда она бросится в его объятия и все-все расскажет ему о своей любви. Стивен трудилась над письмом несколько часов, отбрасывая неудачные варианты и составляя новые, отказываясь от фразы прежде, чем успевала закончить ее. Она не ожидала, насколько мучительным будет маятник между чрезмерной откровенностью и заведомой холодностью. Иногда у нее выходило такое формальное, равнодушное письмо, что оно само по себе могло охладить любой пыл. Затем на свет являлся текст, от которого ей становилось неловко – так что приходилось сразу сжигать исписанный лист.

Наконец, она сдалась. Так бывало в раннем детстве, когда Стивен вдруг понимала, что противодействие слишком сильное, а потому изящно выходила из положения, сделав вид, что ей не особенно хотелось. В случае с письмом буквально так поступить было невозможно. Зато нашелся отличный способ решения проблемы: написать Леонарду коротко и дружелюбно, попросив его о встрече. А уж там, когда они увидят друг друга, в спокойной обстановке, без помех, она сможет изложить ему свои взгляды и открыть душу.

Вздыхнув с облегчением, Стивен начала новое послание:

«Дорогой мистер Леонард...» – но внезапно остановилась, встала и прошлась по комнате и решила: «Я не должна торопиться. Надо поспать, а потом, на свежую голову, напишу ему!» Стивен взяла книгу – она привыкла после ужина читать романы – и увлеклась ею, пока не пришло обычное время, когда она ложилась в постель.

Однако этой ночью ей никак не удавалось уснуть. Не то чтобы она была в особенном возбуждении. Скорее она даже успокоилась, приняв решение, и теперь чувствовала себя лучше, чем в последние дни и даже недели. Но она никак не могла прекратить обдумывать возможное развитие событий и рисовать себе различные картины объяснения с Леонардом. Так что бессонница вовсе не была мучительной. Она не столько не могла, сколько не хотела

засыпать. Стивен лежала в постели, размышляла, мечтала и уносилась в воображении так далеко, как позволял ей возраст и представления об интимной стороне жизни.

Наутро ее намерения не изменились. Когда тетушка Летиция вернулась к ланчу, Стивен охотно расспрашивала ее о пустяках, с интересом выслушивала рассказы обо всех событиях минувшего дня в Норвуде. Разговоры затянулись вплоть до послеполуденного чая, и только затем Стивен осталась одна и вернулась к реализации придуманного накануне плана. За ночь она успела тщательно продумать все, что напишет Леонарду, а поскольку теперь, по прошествии нескольких часов, стало ясно, что замысел выдержал испытание дневным светом, она была вполне удовлетворена им. На пару минут она задумалась о вводных словах. При имеющихся обстоятельствах писать «Дорогой мистер Эверард» было бы глуповато и нелепо. Следовало обратиться к нему как к другу детства, напомнить о прежней близости и непринужденности общения. Ведь тогда они прекрасно понимали друг друга и проводили время вместе. Стивен очень понравилась такая мысль. Затем она решила, что отсылать письмо лучше регулярной почтой, а не с нарочным, это позволит сохранить переписку в тайне.

Удовлетворившись этими соображениями, она взялась за перо:

«Дорогой Леонард,

Не будет ли Вам удобно встретиться со мной завтра, во вторник, в половине двенадцатого, на вершине Честер-Хилл? Я хотела бы поговорить с Вами о предмете, который может представлять для Вас определенный интерес. А в таком месте мы сможем говорить гораздо свободнее, чем дома. На вершине холма есть тенистое место, где теперь прохладно и приятно.

*Искренне Ваша, Стивен Норманн».*

Отправив письмо, она погрузилась в рутинные дела, так что у тетушки и подозрений не возникло, что в этот день Стивен сделала нечто необычное.

А меж тем вечером в спальне, отослав горничную, девушка задумалась о возможных неприятных последствиях своего поступка. Одно за другим она отметала их, подбирая аргументы в свою защиту.

«Я вольна поступать, как считаю нужным. Я сама себе хозяйка, ничего дурного я не делаю. Даже если так не принято, и что такого? Бог знает, сколько в мире нелепых условностей – безнадежно, неисправимо нелепых. В конце концов, кто устанавливает все эти правила? Где эти люди? Те, кто называет условности «разумными»? Ведь все условности в обществе призваны облегчать общение, помогать честным людям, а не осложнять жизнь!»

Леонард получил письмо за завтраком. Он не уделил ему особого внимания, так как почта в то утро была весьма многочисленна и включала послания на темы, возможно, не столь приятные, зато гораздо более срочные. Среди всего прочего там было немало требований об оплате долгов от разного рода торговцев – за время обучения в университете и последующие месяцы Леонард накопил немало не оплаченных счетов. Скромная сумма, которую выдавал ему отец на личные расходы, мгновенно разлеталась на мелочи, а более серьезные покупки юноша делал в кредит. Постепенно долги так выросли, что Леонард начал беспокоиться о будущем: один раз отец оплатил его счета, однако был разгневан и пригрозил в следующий раз отказаться покрывать долги сына. В сложившихся обстоятельствах Леонард был рад поводу прогуляться и на несколько часов забыть о тревогах. В этом смысле письмо Стивен оказалось как нельзя кстати. Уже с утра было знойно и душно, так что он выбрал тенистую лесную тропинку.

Стивен встала свежей, в отличном настроении, несмотря на бессонную ночь. В молодости одна такая ночь не подрывает силы, и достаточно часа или двух, чтобы обрести бодрость. Твердый характер Стивен сказался и в том, что она не спешила, не испытывала чрез-

мерного волнения перед назначенной важной для нее встречей. Она преспокойно занималась делами, пока не пришло время идти на свидание с Лео нардом Эверардом. Впрочем, в самый последний момент она слегка занервничала, превращаясь из решительной и взрослой женщины в юную девушку со всеми вытекающими нюансами: внезапными сомнениями, неуверенностью в себе, резкими перепадами настроения.

Однако это не мешало ей трезво относиться к затеянному предприятию и к тому, как надо подготовиться к встрече. Она не стала искать ответа у зеркала, задаваясь вопросом, достаточно ли хороша. Она точно знала, чего хочет, а потому думала не столько о деталях, сколько о самой сути разговора. Надо добиться успеха! Стивен привыкла делать все по-своему. Она была уверена в своей красоте, но не придавала ей слишком большого значения, а потому бегло взглянула на свое отражение, осталась им вполне довольна: костюм, прическа в порядке, и вообще – картина в зеркале представляла очаровательная.

Женщины часто ищут поддержки у зеркала – собственный вид придает им храбрости, и своему впечатлению они доверяют больше, чем словам посторонних. Покинув комнату, Стивен ненадолго задержалась в коридоре, неярко освещенном косыми лучами солнца, проникавшими через высокое окно в конце прохода. В этот момент решимость ее чуть не покинула.

Возможно, впервые в жизни, выходя из длинного коридора на залитую светом верхнюю площадку лестницы, Стивен почувствовала себя «девочкой» – существом слабым, нуждающимся в опеке и внимании. Ее охватил страх, обычно ей совершенно чуждый. Причем казалось, что он не может оставаться неизменным: либо разрастется и задушит ее, либо отступит, словно существует лишь в движении. Осознав это, она собралась с силами и подавила незнакомое и неприятное чувство. Само это усилие доставило ей огромное удовольствие.

Преодолев приступ паники, Стивен огляделась вокруг, как будто дом и привычная обстановка впервые предстали перед ее глазами. Убедившись, что она одна и никто не видит ее, девушка кивнула, отвечая на свои мысли и сомнения, а затем энергично пошла по назначенному маршруту. Щеки ее зарумянились, сердце билось скоро. Женское сердце, не имевшее еще опыта в общении с мужчиной, но инстинктивно готовое к волнениям, победам, схваткам и терзаниям. Вперед, только вперед! Нельзя теперь делать паузу, останавливаться на полпути, колебаться. Иначе решимость покинет ее. И Стивен шла быстрым шагом, целеустремленная и отважная, преодолев и затаив в душе страх.

Тропа сквозь лес поросла мхом, а за лесом раскинулся обширный луг с цветущим весенним разнотравьем. Она срезала дорогу по узкой тропинке мимо скал и поднялась на Честер-Хилл. На вершине холма росла небольшая тенистая роща – заметная точка ландшафта на многие мили вокруг. Первую половину пути от дома до холма Стивен старалась не слишком усердно думать о предстоящем разговоре, чтобы успокоиться. Но по мере приближения к месту встречи она невольно сосредотачивалась на цели, слишком серьезной, чтобы легкомысленно отвлечься от нее. Последним усилием воли Стивен заставила себя переключить внимание на окрестный пейзаж, воспринимать впечатления и не думать вообще ни о чем.

Проходя под сенью чахлах дубов, узкой полосой окружавших роскошный луг, Стивен взглянула вперед, на вершину холма, и ощутила дрожь: и от нетерпения, и от страха перед тем, что ждало ее там, впереди. С этого момента она уже не могла отвести взгляда от конечной точки утреннего пути. Стивен Норманн летела к цели, словно стрела, выпущенная мощной рукой. Сомнения исчезли, страх, наконец, отступил. Она обрела почти утраченную решимость.

На последнем участке пути она шла медленнее, женская природа заставила ее придержать темп, выглядеть беспечной и никуда не спешащей. Внезапно Стивен подумала, что

не стоило бы приходить на место встречи первой. Однако проснулось и еще одно чувство – хорошо знакомое с детства: ей стало любопытно. Приключения всегда манили Стивен, а задуманный ею план предполагал в некотором роде приключение и столкновение с неизвестностью. Ей стало смешно: она затевает нечто вопреки твердым правилам и условностям, а в то же время думает о такой условности, как то, что «женщине не стоит приходить на свидание первой». Глупость какая! Стивен фыркнула и вновь ускорила шаг, вступая в рощу на вершине холма.

## Глава XI. Встреча

Если бы Стивен больше знала об отношениях между мужчинами и женщинами, она могла бы даже больше порадоваться тому, что пришла на место свидания первой. Традиционная идея, укоренившаяся в головах большинства, состоит в том, что женщина никогда не должна в такой ситуации опережать мужчину. Но реальные женщины, чье сердце бьется сильно и горячо, отлично знают, как часто нарушается это неписаное правило. Его придумали мужчины. Это им всегда хочется быть первыми и главными во всем. Это они хотят видеть женщин слабыми и беспомощными.

Оказавшись на вершине холма в одиночестве, Стивен испытала два противоречивых чувства: облегчение, что волнующий момент разговора откладывается, и естественную досаду.

Постепенно, по мере того как пауза затягивалась, досада брала верх. Стивен с раздражением подумала: если бы она была мужчиной, она бы точно спешила на свидание, назначенное ей. Ноги влюбленного должны стремительно нести его к цели! Разве горячее сердце не заставит ускорять шаг? Она вздохнула и слегка покраснела, вспомнив, что Леонард не знает о цели встречи. Друзья с детства, они держались всегда непринужденных и легких отношений, и он не мог знать, с каким волнением теперь ждала его Стивен.

Полчаса сидела она в тени большого дуба, глядя на прекрасный, величественный пейзаж, но почти бесчувственная к его красоте. Несмотря на все свое презрение к условностям, Стивен была достаточно умной, чтобы понимать их важность в сложившемся обществе. Она обладала инстинктивной мудростью, зачастую намного более глубокой и серьезной, чем сознание и приобретенная логика. Если бы кто-то сказал ей теперь, что весь ее план состоял из бесконечной цепи уловок, самообмана, игры воображения и не имел отношения к подлинным чувствам и настоящим отношениям, что ею двигает тщеславие, а не любовь, Стивен была бы крайне возмущена. Тем не менее, она не случайно выбрала уединенное место для разговора с Леонардом. Инстинкт подсказал ей, что речь идет о слишком тонких материях, и следует избежать посторонних ушей и глаз. Сейчас весь мир, воплощенный в обширном ландшафте, лежал у ее ног. Она чувствовала себя вольной и способной управлять событиями. И ее будущий супруг мог разделить с ней эту власть над миром, это бесконечное счастье и свободу. Буквально все, что охватывал теперь ее взор, принадлежало прежде ее отцу и дяде, а ныне унаследовала она. Это была ее земля – и разделить ее с избранником она готова была в прямом и переносном смысле.

Полчаса ожидания имели для нее единственное преимущество: хотя нервы ее были по-прежнему натянуты, как струны, она успела в значительной степени овладеть собой и взять эмоции под контроль. И все же напряжение ощущалось физически, все чувства были обострены, так что она издали слышала шаги.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.